МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ

ДЯЧЕНКО

АЛЕНА И АСПИРИН

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ

Эксмо

Марина и Сергей Дяченко
Алена и Аспирин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140024

Аннотация

Спешите творить добро! Но, встретив ночью в подворотне испуганную маленькую девочку с плюшевым медведем, задумайтесь на минутку. Возможно, под плюшем скрывается чудовище. А за обликом ребенка скрывается целеустремленный демон, готовый взломать вашу налаженную жизнь и сыграть на ней, как на скрипке, чьи струны-нервы рвутся во время игры…

Ах, эта девочка с мишкой… Разве вы сторож брату ее?!

Содержание

Часть первая 5
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Марина и Сергей Дяченко
Алена и Аспирин

* * *

Часть первая

Воскресенье

Хрустнул осколок под каблуком.

Во всем районе не горели фонари. При свете звезд Аспирин шагал от гаража к дому.

Можно было выбрать длинный и относительно безопасный путь вдоль улицы, но Аспирин не был девицей и не боялся ночных разбойников. В подворотнях воняло, но он и к этому относился философски. Через несколько минут за ним закроется железная дверь подъезда. Консьерж Вася знает, что по воскресеньям Аспирин возвращается не в три и не в четыре, а всего лишь в полвторого, и, возможно, выйдет встречать…

Он включил карандаш-фонарик, свернул в подворотню и почти сразу остановился, увидев ее.

Поначалу ему показалось, что девочка нарисована на стене – такой неподвижной и плоской она казалась на фоне красно-сине-черных граффити. Но вот луч света упал ей на лицо, она зажмурилась, загородилась ладонью и плотнее прижала к себе плюшевую игрушку – вероятно, медведя.

– Ты что здесь делаешь? – вырвалось у Аспирина.

Он посветил фонарем туда и сюда: подворотня-тоннель была пуста. Тогда он снова перевел луч света на девочку – не на лицо, а на руки, крепко обхватившие неведому зверушку.

– Ты что здесь делаешь? – повторил он уже строго.

Девочка молчала.

На вид ей было лет десять. Никак нельзя было сказать, что это бродяжка, или нищенка, или несчастный ребенок, позабытый на улице пьяными родителями. Она не казалась даже испуганной. В движении, каким она обнимала игрушку, было больше застенчивости, нежели страха.

– Что, поссорилась с родителями? – предположил Аспирин и сразу почувствовал себя идиотом.

Девочка молчала.

– Что, так и будешь здесь стоять? – Аспирин злился все больше. – Сейчас придет злой дядя, насадит тебя на ножик… Где твои «шнурки»?

Девочка казалась удивленной. Не то перспективой встречи со «злым дядей», не то внезапным интересом, который Аспирин проявил к ее обуви.

– Ну пошли, – сказал Аспирин, в раздражении готовый отвесить девчонке оплеуху. – Пошли, сдам тебя в милицию, пусть они ищут твоих предков. Кретины, смотреть надо лучше за детьми…

Аспирин боялся, что девочка заплачет и тогда глупая ситуация перерастет в критическую. На самом деле он думал сдать находку консьержу Васе: тот был добрым человеком,

раздавал в хорошие руки приблудных котят и щенков, а прошлой зимой устроил даже судьбу какого-то беспризорника.

Девочка смотрела ясным, внимательным, совершенно взрослым взглядом.

– Испугался? – спросила она наконец.

– Я?!

Он тут же понял, что девочка права. Он в самом деле испугался – не то ответственности, непонятно как свалившейся на него в этой подворотне, не то чего-то другого. Девочкиной тени проверх уродливых граффити?

– Ты что здесь стоишь совсем одна? – спросил он тоном ниже.

– Я не одна. Я с Мишуткой, – она оторвала наконец от груди и показала Аспирину светло-коричневого медвежонка с пластмассовыми глазами.

– С Мишуткой – другое дело, – устало пробормотал Аспирин. – Где твой дом?

Девочка неопределенно пожала плечами.

– Нельзя детям по ночам стоять в подворотне, – Аспирин сам себе казался старым безмозглым занудой. – Здесь опасно.

– Да, – согласилась девочка. – Он меня ищет. Он пришел за мной.

– Кто?

Девочка не ответила.

Аспирин прокрутил в голове вероятный расклад. Родите-

ли в ссоре, возможно, разведены. Или мать-алкоголичка, а ребенка отсудили отцу. Маловероятно, но мало ли. Короче, отец за ней пришел, а она с отцом почему-то идти не хочет. Бытовуха в полный рост. Ранне-подростковые проблемы.

– Так, – сказал он решительно. – Или ты со мной идешь, или… стой себе. Так что?

Девочка молча смотрела на него круглыми, как с открытки, голубыми глазищами.

– Я пошел, – сказал Аспирин с облегчением. – Семейные разборки – не по моей части.

Он направил луч света на щербатый асфальт под ногами и зашагал к выходу из подворотни. Впереди, в проеме арки, мерцали звезды. Как хорошо, что у меня нет детей, думал Аспирин, выходя под чистое летнее небо. Как хорошо, что я не женился тогда на Люське, думал он, сворачивая в проходной двор. Как хорошо, что я…

Мысль оборвалась. На детской площадке – где же еще? – под умирающей от удушья липой гнездились обкурившиеся малолетки.

А может, не обкурившиеся. А может, совершеннолетние. В темноте не разобрать. Не сосчитать огоньки сигарет, не спросить документы.

– Эй, ты! Иди сюда!

Аспирин мазнул по компании фонарем. Человек шесть. Одна девица. И, что самое неприятное – бультерьер.

– Не слепи, падла!

Рычание.

Аспирин погасил фонарь и тихонько отступил к выходу со двора. Может, сами отсохнут и сами отвалятся?

Не тут-то было.

– Иди сюда, говорят! Лучше будет!

– Что надо, ребята? – осведомился Аспирин по-деловому. – Я – ди-джей Аспирин…

Ржание. Эти дети либо не верили ему, либо не слушали радио.

– Аспирин-пидорин, прикурить не найдется? – звонко спросила девица.

Он отступал, не сводя глаз с собаки. У одного его приятеля когда-то была такая. Отгрызла средний палец на левой руке – собственному хозяину…

– Держи пса, – предложил он холодно.

Ржание. Девица заливалась громче всех. Какое неприятное сочетание, подумал Аспирин, – бабец и собака…

– Абель, фас! Оторви ему яйца!

Аспирин повернулся и побежал. Палку мне, палку, лучше железную, лучше заточку… Нет времени подобрать кирпич… темно… а баллончик, который целый год провалялся в сумке, сегодня остался в багажнике – лежит в гараже, полеживает…

Тускло вспыхнул фонарь у входа в подворотню. Этого света как раз хватило Аспирину, чтобы не налететь в темноте на мусорный бак. Он в последний момент вильнул в сторо-

ну, оглянулся и увидел в свете фонаря, как бультерьер, похожий на фаршированный бледный чулок, несется через двор, а вслед за ним бежит чудище о восьми ногах, четыре рта что-то вопят, восемь рук месят воздух…

Только теперь Аспирин вспомнил о девочке, которая по-прежнему стоит, наверное, в этой самой подворотне и прижимает к груди медвежонка.

Он подхватил с земли осколок кирпича, кинул в пса и почти попал. Тварь замедлила движение, но ненадолго.

– Скотина! Ты что делаешь! – орала девица. – Абель, взять!

Аспирин кинулся в подворотню. Свет фонаря насквозь простреливал бетонный коридор. Девочка, вопреки надеждам Аспирина, не убежала, услышав крики, топот и рычание, а только плотнее вжалась в стену.

Аспирин схватил ее за руку и потащил за собой. Зря, наверное. Он и сам, без балласта, бегал куда медленнее коротконогой собаки.

Подворотня закончилась. Девочка вырвала руку из руки Аспирина, обернулась и бросила медвежонка обратно, в проем арки, где на стенах прыгали тени.

Сначала он услышал крик – визг, вопль, разрывающий чьи-то голосовые связки.

И секундой спустя увидел огромную тень, выросшую на бетонной стенке поверх побледневших в страхе граффити.

Глухо ухнула собака. Что-то шлепнуло о стену и о пол. И

сделалось тихо. Только топот ног, затихающий далеко-далеко…

В соседних домах стали зажигаться окна.

– Уходим, – сказал Аспирин, плохо соображая, ведомый инстинктом.

– Сейчас, – сказала девочка. – Мне надо забрать Мишутку.

Она вошла в проем арки, подняла что-то с асфальта, бережно отряхнула, прижала к груди. Аспирин глянул поверх ее склоненной головы: в подворотне было пусто. Далеко, у противоположного входа, лежал наполовину разорванный труп собаки.

– Идем, – сказала девочка.

Он схватил ее за руку и потащил прочь, стараясь держаться в тени и ни в коем случае не попадаться на глаза растревоженным сонным обывателям, чьи головы то здесь, то там выглядывали в окна, в форточки, с балконов.

* * *

– Неспокойно сегодня, – сказал консьерж Вася. – По всему району собаки, слышишь, разгавкались… Визжал кто-то – прямо жуть… Ты как дошел?

– Нормально, – соврал Аспирин. – Девочку вот… встретил…

Девочка смотрела на консьержа с приветливым интере-

сом.

– Ночью? – удивился Вася. – Одна?

– С Мишуткой, – уточнила девочка.

Подошел лифт. К счастью, сквозь проем в сдвигающихся дверях Аспирин успел заметить Васино лицо: шагнул обратно и помешал дверным створкам сойтись.

– Ребенок потерялся, – сказал он Васе. – Завтра с утра буду звонить в милицию… искать родителей… не бросать же на улице, да?

Взгляд консьержа потеплел:

– Да… Это… Оставляют детей, где ни попадя… Расстреливать бы таких родителей на площадях…

Аспирин перевел дух и снова нажал на кнопку с цифрой «пять». Девочка молчала, поглядывала снизу вверх, гладила мишку по голове.

Лифт скрежетнул, останавливаясь на пятом. Аспирину пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, прежде чем руки хоть немного успокоились и прыгающий ключ нашел замочную скважину.

– Заходи…

Зажегся свет. Девочка стояла посреди большой прихожей и щурилась – совсем как тогда в подворотне. Аспирина передернуло.

Не разуваясь, он прошел на кухню. Открыл навесной шкаф, отыскал початую бутылку коньяка. Плеснул в чайную чашку. Выпил. Если и отпустило, то совсем чуть-чуть.

Девочка по-прежнему стояла посреди прихожей – уже без туфель. Аспирин поразился, какие у нее чистенькие носки. Новые, в мелкую красную полоску.

– Как тебя зовут? – спросил он, прерывая паузу.

Она посмотрела на него укоризненно:

– А тебя как зовут?

– Ас… – он вовремя прикусил язык, потому что «Аспирин» – это непедагогично. – Алексей. Вот, надень тапки.

Она сунула ноги в «гостевые» женские шлепанцы, которые были на пять размеров больше ее ступни.

– Ты голодная? – спросил он равнодушно и чуть не взвыл от неестественности, фальши во всех этих бытовых манипуляциях. Тапки-кухня-пельмени-чай…

– Я не голодная, Мишутка голодный, – сказала девочка серьезно. – У тебя есть мед?

– Есть…

В кухне она уселась на табуретку, усадила мишку на край стола и сложила руки на коленях. Мишка сидел, скособочившись, глядя перед собой пуговичными глазами, свесив ватные лапы.

На одной был осколок стекла.

Аспирин, внутренне передернувшись, снял осколок при помощи салфетки. Выбросил в мусорное ведро.

– Так что насчет меда? – спросила девочка.

– Сейчас… Ему в блюдце положить или он может из банки?

– Все равно, – покладисто решила девочка.

– Ему гречневый, липовый или цветочный? – осведомился Аспирин.

Девочка мельком глянула на игрушку.

– Цветочный лучше. Но это не принципиально.

Аспирин чуть не выронил чашку, которую только что снял с полки.

– А ложку ему надо? – поинтересовался хрипло.

Девочка усмехнулась:

– Где ты видел, чтобы медведи ели ложками? Только в мультиках!

– А-а, – неопределенно сказал Аспирин. Поставил на стол перед мишкой стограммовую баночку цветочного меда. С усилием отвернул крышку. Отошел к мойке, встал, скрестив руки на груди, уставился, будто ожидая, что пуговичные глаза мигнут, игрушка потянется ватной лапой к баночке, зачерпнет мед и понесет, роняя капли, к вышитому на плюше рту…

Игрушка не шевельнулась. Девочка взяла медвежонка за лапу, засопела за него, наморщила нос:

– Мишутке нравится. Спасибо.

– Пожалуйста, – вздохнул Аспирин. – Ну а теперь, когда он поел…

– Где же он поел? Он только начал!

Аспирин посмотрел на часы. Половина третьего ночи. Пока удирали с места происшествия, пока плутали переулками,

пока Аспирин решал, что делать дальше…

– У тебя есть домашний телефон? – спросил он безнадежно.

– Нет, – отозвалась девочка, «зачерпывая» медвежьей лапой мед и чавкая от воображаемого удовольствия.

– Ты вообще думаешь возвращаться домой?

Девочка взяла со стола салфетку и начисто вытерла мишкину морду. У нее были коротко остриженные розовые ногти. Чистые незагорелые руки. На свежей футболке – два летящих дракона, большой и маленький, и надпись: «Krakow. Learning to fly».

– Ты бывала в Кракове?

Девочка не ответила.

Аспирин плеснул себе еще коньяка. Руки почти перестали трястись.

– Что там было? – спросил он, глядя на полосатые гостьины носки.

– Где?

– Там.

Девочка вздохнула.

– Он за мной пришел… А я не хочу идти с ним.

– Отец?

– Нет. Он мне не отец.

– Отчим?

– Он.

– Кто?

Девочка вздохнула снова. Аспирин нервно потер ладони:

– Кто убил собаку?

Девочка кивнула на игрушечного медведя. Аспирин вспомнил полуразорванного бледного бультерьера.

– Вообще-то, – сказала девочка раздумчиво, – это они ее убили. Давно. Когда она гналась за тобой, она была уже мертвая.

– Взрыва вроде не было, – сам себе сказал Аспирин. – Может… у них оказалось с собой что-то вроде… ну… упало собаке под ноги и взорвалось.

– Мышка бежала, хвостиком махнула, – сказала девочка без улыбки, – яичко упало и взорвалось… Ты хочешь спать?

– Я шесть часов травил в эфире байки, – признался Аспирин. – Разговаривал с какими-то идиотами по телефону. Ставил на заказ идиотские песенки. Потом малолетние кретины подстерегли меня в подворотне и натравили бультерьера. А он возьми да и сдохни на бегу. Да не просто сдохни – разорвись…

– Ничего, – сказала девочка примирительно. – Ты выпьешь еще и заснешь.

– И когда проснусь, тебя уже здесь не будет, – мечтательно предположил Аспирин.

– Это вряд ли, – сказала девочка и обняла медвежонка.

Понедельник

Чудес не бывает, и потому в девять утра, когда Аспирин вышел, прихрамывая, на кухню, девочка сидела, скрестив ноги, на стуле перед идеально вымытым столом, смотрела в окно и еле слышно напевала сквозь зубы. Перед ней на металлическом подносе лежал обложкой вверх раскрытый паспорт Аспирина.

– Ты что?! – от возмущения Аспирин выругался, как не принято ругаться при детях, устыдился своей несдержанности и потому разозлился еще больше.

Девочка обернулась. На коленях у нее – вернее, на скрещенных пятках – сидел светло-коричневый медвежонок, смотрел на Аспирина пластмассовыми зенками. На полу у ножки стула стояла пустая баночка из-под меда.

– Значит, ты Гримальский Алексей Игоревич, тебе тридцать четыре года, – прокурорским тоном сообщила девочка.

– Слушай, ты, – выдавил Аспирин сквозь зубы. – Забирай… своего медведя и уходи. Чтобы духу твоего здесь не было. Считаю до десяти.

– Иначе что? – уточнила девочка.

– Проявил, блин, милосердие, – горько пробормотал Аспирин. – Приютил на ночь потерявшегося ребенка…

После вчерашнего ночного забега болели ноги и спина. Во рту было сухо и противно. В правом виске медленно и

торжественно бухал миниатюрный кузнечный молот.

– Иначе, – он обогнул сидящую гостью, взял свой паспорт с подноса и почувствовал себя увереннее, – я вызову милицию.

– И что, ты скажешь, я делала у тебя в квартире ночью?

Аспирин позволил, наконец, ватным коленям подогнуться и тяжело опустился на табуретку. Девочка смотрела на него с интересом.

– Слушай, – глухо сказал Аспирин. – Я не знаю, кто и зачем научил тебя таким гадостям, но… есть же экспертиза, понимаешь? Мне не хочется этой грязи, но… Всем же будет ясно, что ты просто маленькая дряная испорченная вымогательница… понимаешь?

Девочка пересадила медведя на стол рядом с собой. Поудобнее сложила ему ватные лапы.

– Значит, это правда, – сказала отстраненно.

– Что? – почти выкрикнул Аспирин.

– Он говорил… он всегда говорит правду, – девочка задумалась, ее светлые брови стали похожи на два недорисованных значка «бесконечность».

– Детка, – сказал он с отвращением. – Убирайся. Иначе я никогда в жизни не совершу больше ни одного доброго дела. Даже котенку сосиску не дам.

– Напугал ежа голой задницей, – она ухмыльнулась. – Можно подумать, ты прямо мастер добрых дел! Прямо дедушка-Мороз!

Аспирин встал. Ему захотелось схватить маленькую дрянь за «хвостик» на затылке и, волоча за собой, доставить к входной двери и дальше; вместо этого он, выждав секунду, расхохотался.

Что за цирк, в самом деле. Почему он должен пугаться малолетней оторвы, которой, наверное, и одиннадцати лет еще не исполнилось?

Все еще посмеиваясь, он вернулся в комнату и поднял с постели телефонную трубку.

* * *

– Я не понял, – сказал Витя Сомов по прозвищу Вискас. – Ты притащил с улицы малолетку – в дом?

– Она ребенок совсем… Мне показалось…

– Ты притащил ее в дом?

– Ну, в общем, да.

Пауза.

– Не понял, – повторил Вискас угрюмо. – Нафига?

– Я был не в себе, – признался Аспирин. – Сперва на меня натравили бультерьера, а потом…

Он запнулся, не зная, как сказать рационально мыслящему Вискасу об иррациональном ужасе, случившемся в подворотне.

– Ты был трезвый? – уточнил Вискас.

– Я был за рулем. Я за рулем не пью.

– Молодец, – похвалил Вискас. – С охраны квартиру при девке снимал?

– Я вчера на охрану не брал.

– Почему?

– Ну… Не знаю. Забыл.

– Умница, – в голосе Вискаса было отрешенное удивление: рожает же земля таких идиотов. – Аспирин, я на тебя как-нибудь бомбил наведу. В воспитательных целях.

– Не надо, – сказал Аспирин и прислушался: девчонка в гостиной открыла, мерзавка, пианино и теперь бренчала по клавишам. – Слушай… По-моему, она ненормальная.

– Нормальнее тебя, – желчно заверил Вискас. – Присмотри там, что у тебя плохо лежит… А я приеду минут через двадцать.

– Ага, – сказал Аспирин с облегчением.

В соседней комнате девчонка беспорядочно давила на клавиши, как человек, впервые увидевший пианино. Аспирин посмотрел на часы, будто решая, успеет мерзавка разломать инструмент за двадцать минут или не успеет.

Витя Сомов заведовал службой безопасности в ночном клубе «Куклабак», где Аспирин «зажигал» по вторникам и пятницам. Однажды Витя по-дружески помог разрешить весьма щекотливую ситуацию – Аспирин въехал тогда в чей-то навороченный джип. Вискас считался интеллектуалом и всех без исключения штатных вышибал заставлял читать Мураками, но Аспирин ценил его не за это: Витя Сомов

был идеальным собеседником, внимательным, немного медлительным, вокруг него, будто запах, распространялись уверенность и спокойствие, а дерганному после рабочего дня Аспирину спокойствия как раз не хватало.

Вызывать профессионала для встречи с ребенком – перебор. Аспирин проявил слабость и сам это понимал; ему было неудобно перед Сомовым. С другой стороны, девчонка по своей воле уходить отказывается, значит, надо брать ее… за руки? За плечи? За горло?.. Брать и тащить, а она, конечно же, будет визжать, и этот визг услышат соседи… Через несколько лет Аспирин поднарубит серьезных бабок и купит, наконец, дом за городом, обнесет высоким забором и посадит пса… только не бультерьера. Кавказскую овчарку. Будет жить без телефона, без телевизора, только музыкальный центр и компьютер.

Он снова прислушался: в соседней комнате звучала мелодия. Неискушенному слушателю показалось бы, что девчонка по-прежнему тупо перебирает клавиши, но Аспирин услышал: рваная, неумело исполняемая, полная странного обаяния мелодия. Несколько тактов – стоп – повтор, уже увереннее. Новые несколько тактов…

Он заглянул в комнату. Девчонка стояла перед инструментом, подбирала мелодию явно на слух, но не так, как это обычно делают дети. Не молотила одним пальцем – скользила левой рукой над октавами, а правой едва касалась клавиатуры, как слепая, читающая текстом Брайля.

Медвежонок сидел на пианино между антикварными часами и фарфоровой куклой, привезенной Аспирином из Германии.

– Ага, – сказала девчонка будто сама себе. Положила обе руки на клавиатуру. Взяла левой аккорд, правой повела мелодию – у Аспирина на секунду закружилась голова. Увиделась жизнь впереди – так безмятежно и радостно, как если бы он был школьником, отпущенным на пожизненные каникулы. Он шагнул к пианино, собираясь обнять и расцеловать эту чудесную девчонку, которая пришла, чтобы научить его по-настоящему жить – без депрессии и без страха, без мелочей, без накладок, жить и слышать музыку, жить и радоваться. Он положил ей руки на плечи; в этот момент фарфоровая кукла, надежно закрепленная на подставке, вдруг шагнула вперед, потеряла равновесие и грянулась прямо на клавиши.

Мелодия смолкла. Осколки рассыпались по ковру. Аспирин отдернул руки; кукольная голова, кудрявая и равнодушная, осталась лежать между «ми» и «фа» второй октавы.

– Это не я, – виновато сказала девчонка. – Она сама.

Аспирин потер виски. Голова все еще немного кружилась.

– Ты умеешь играть?

– Ну… нет, – призналась девчонка. – Я просто подбираю… А клавиши тут по порядку, так что ничего сложного нет.

– Что ты играла?

Девчонка присела на корточки и стала собирать черепки.

Он увидел ее шею под светлым «хвостом» на затылке, позвоночник и острые лопатки.

– Это его песня, – сказала девочка, не разгибаясь. – Если ее сыграть правильно – уводит навсегда. Но сыграть правильно ее можно только на его дудке… Или, может, большим оркестром. Наверное. Если собрать виртуозов со свего мира, чтобы их было несколько тысяч человек… Тогда, наверное, получится. Наверное. Понимаешь?

Она выпрямилась. Остатки куклы лежали у нее на ладонях.

– Прости, – сказала она, глядя Аспирину в глаза. – Я тебя не очень огорчила?

– Брось в ведро, – сказал Аспирин.

Девчонка послушно прошла на кухню, и черепки грохнули о стенки полупустого мусорного ведра. Она вернулась, осторожно неся двумя пальцами голубое кукольное платье.

– Можно, я возьму себе?

– Возьми, – согласился Аспирин. – Ты кто?

– Ты бы сразу меня спросил, – девчонка робко улыбнулась.

– То есть?

– Ну, я все ждала, когда ты меня спросишь, кто я… А ты решил, что я попрошайка, или вымогательница, или еще чего похуже…

Аспирин уселся на диван. Закинул ногу на ногу.

– Ты кто?

– Я…

Она открыла рот, будто собираясь ответить тщательно выученный, давно приготовленный урок – и вдруг запнулась. Улыбка сошла с ее лица.

– Что это? – спросила она испуганно.

– Где?

– Звук…

За секунду до этого соседи сверху включили аудиосистему, и стены завибрировали, сотрясаемые басовитым «бух-бух».

– Соседи. Музыку слушают.

– Они глухие? – пробормотала девчонка после паузы.

– Они любят крутой драйв… Говори, от кого ты сбежала.

– Я не то чтобы сбежала, – девочка снова наморщила брови. – Я просто ушла.

– Что, из музыкальной школы тюремного типа?

– Нет. Из одного… очень хорошего места.

– Хорошего?

– Да. Я бы хотела когда-нибудь вернуться.

– Возвращайся сейчас!

Девочка вздохнула:

– Не могу. У нас с Мишуткой важное дело.

Она взяла медведя на руки и прижалась лицом к короткому светло-коричневому меху. Через секунду Аспирин с ужасом обнаружил, что она плачет.

– Ты чего?!

– Здесь… страшно, – пробормотала девочка. – Там, ночью… я очень… испугалась.

– Оно и понятно, – сказал Аспирин после паузы. – Я тоже. Но мы ведь… все в порядке, так?

– Нет, – девочка помотала головой, по-прежнему пряча лицо за Мишуткиной мордочкой. – Не в порядке… Ты меня боишься.

– Ерунда, – Аспирин подошел, присел рядом на корточки. – Слушай… Перестань. Хочешь, выпьем чая? У меня есть печенье…

Она кивнула, не поднимая глаз. Аспирин пошел на кухню, плеснул в чайник питьевой воды из пластикового баллона; в конце концов, его совести будет комфортнее, если нежелательная гостья уйдет накормленная и напоенная.

Чайник закипел, заурчал и громко щелкнул, выключаясь. Аспирин вытащил и картонную коробочку с пакетиками на нитках, бросил по одному в каждую чашку, залил кипятком. Выставил на стол тарелку с остатками позавчерашнего печенья.

– А Мишутке? – слабым от слез голосом спросила девочка.

Аспирин, помедлив, взял с полки третью чашку. Девочка усадила медведя на стол. Аспирин вздохнул – и плеснул ему тоже кипяточка.

– Видишь ли, – сказал, придвигая к девочке сахарницу, – я тебя не боюсь. Что за ерунда – почему я должен тебя бо-

яться? Ты пей… Просто я разозлился, когда ты взяла мой паспорт.

– А он в коридоре под зеркалом лежал.

Аспирин вспомнил: в самом деле, получал позавчера на почте заказное письмо и потом бросил паспорт куда придется.

– Это не причина, – сказал он с нажимом. – Документы брать нельзя, особенно чужие, в чужой квартире, чужого человека…

– Мне нужно было узнать, кто ты.

Аспирин покачал головой, дивясь ее наивности:

– Разве об этом пишут в паспорте? Ну вот ты прочитала – и знаешь, кто я?

Девчонка опустила голову.

– Не обижайся, но есть же правила, – сказал Аспирин, довольный своей маленькой победой. – У тебя должны быть родители… или я не знаю, опекуны какие-то… и ты должна жить с ними. Такие правила.

– Они очень далеко, мои опекуны, – сказала девочка и странно улыбнулась. Такая улыбка пришлась бы впору морщинистой, умудренной опытом старухе. Аспирин насторожился.

– Где?

Девочка взялась за картонный «язычок» заварочного пакетика, с удивлением подняла коричневый мокрый мешочек над янтарной поверхностью чая.

– Ух ты…

Опустила и снова подняла.

– Ты что, никогда чай в пакетиках не заваривала? – тихо спросил Аспирин. – Из какой же ты глуши?

– Алеша, – девочка хлопнула сосульками слипшихся ресниц. – Не прогоняйте меня.

Аспирин едва не поперхнулся чаем.

– Я не прогоняю! Допивай себе спокойно… Ешь печенье… Но мы же не в лесу живем! У тебя должны быть документы… Свидетельство о рождении… И мне надо срочно уехать в командировку, – придумал он вдруг и загорелся этой идеей. – Да. Уехать. Надолго. Поезд через час.

Пока он говорил, девочка, кажется, внезапно потеряла к нему интерес. Ее глаза смотрели, не отрываясь, на серебряный колокольчик, украшавший кухонную полку.

– А что это?

И, не спрашивая разрешения, она протянула руку и взяла колокольчик за ушко.

– Поставь, – Аспирин нахмурился. – Ты что… тебя не учили, что надо сначала… это же чужая вещь! А ну-ка…

Девочка тряхнула колокольчиком. По кухне разнесся звон, слабенький, но чистый.

– Ля, – сказала девочка.

И тут же грянул дверной звонок – как будто раскудахталась сумасшедшая курица.

– Ну вот, – Аспирин встал. – Это пришел один человек,

он тебе поможет.

Шагая к двери, он малодушно подумал, что в крайнем случае можно подарить ей колокольчик. Пусть только уйдет поскорей.

– Привет, – сказал Вискас, шагая через порог.

– Привет, – Аспирин старался не суетиться. – Чаю хочешь?

– Чаю? – Вискас подозрительно на него покосился. – Давай сначала решим твою проблему…

Они вошли на кухню, когда девочка, подняв острый локоть, осторожно наливала свой чай в блюдечко.

Вискас резко остановился, так что Аспирин едва не налетел на него, как Пятачок на Винни-Пуха.

– Чаепитие? – спросил удивленно.

– Она была голодная, – извиняющимся тоном пробормотал Аспирин.

– Вовсе нет, – тихо сказала девочка. – Просто… мы пьем чай. С Мишуткой.

И погладила медведя, отчего тот едва не упал тяжелой мордой в кипяток.

Вискас поглядел на Аспирина. Тот отвел глаза, будто говоря: ну, идиот, знаю…

– Как тебя зовут? – спросил Вискас девчонку.

Та низко склонилась над блюдцем, так что светлый волосок, выбившийся из-за уха, упал в чай и ужом поплыл по поверхности.

– Как ее зовут? – спросил Вискас Аспирина. Тот пожал плечами. – Что, даже имени не спросил?

– Н-не успел.

Вискас саркастически хмыкнул:

– Мало времени было?

– Да так как-то… – Аспирин взял с блюдца печенье и принялся лихорадочно его поедать.

– Ладно… Допивай, – сказал Вискас девчонке. – Поедем в детприемник.

– Куда?

– Если ты сейчас не скажешь, кто родители и где живешь, я отвезу тебя в приемник-распределитель, и там с тобой поговорят специалисты… педагоги, – Вискас нехорошо усмехнулся.

– Я не здесь живу, – сказала девочка тихо.

– «Сами мы люди не местные», – прогнусавил Вискас. – Значит, отправят домой. Если будут деньги. Давай, дохлебывай…

– Если надо денег на билет, я дам денег, – предложил Аспирин. Вискас покосился на него без уважения:

– Нам того и надо… Присосется и будет клянчить, клянчить, вымогать…

– Не буду, – сказала девочка еще тише. – Мне от него ничего не надо. Пусть только признает, что он мой отец.

Аспирин, жевавший печенье, все-таки поперхнулся и зашелся кашлем.

Вискас сел верхом на стул. Некоторое время смотрел на девчонку, которая прихлебывала чай, как ни в чем ни бывало. Перевел взгляд на Аспирина. Тот не мог говорить – давился печеньем.

– Че сказала-то? – спросил Вискас, буравя девочку глазами.

– Я его дочь, – девочка с достоинством выпрямилась на стуле. – Они с мамой… расстались. Я еще не родилась тогда. Вы его спросите – он помнит Любу из Первомайска, должен помнить…

– Какая Люба? – Аспирин наконец-то обрел дар речи. – Какой Первомайск?

– Люба Кальченко. Вы вместе в Крыму отдыхали.

– Какой Крым? Витя, это кошмар какой-то, она же все врет…

Профессионально-свинцовые глаза Вискаса сделались еще угрюмее.

– Алексей Игоревич, – сказала девочка тонко и жалобно. – Мне от вас ничего не надо. Мы проживем… Мама на инвалидности, работала тяжело, на вредном производстве, и у нее диабет… У бабушки пенсия… мне не надо никаких денег! Я только хотела приехать, посмотреть…

– Витя, она врет, – Аспирин нервно засмеялся. – Это… просто смешно. Просто балаган какой-то.

На широком лице Вискаса явно обозначилось отвращение.

– Эдак кто угодно может прийти и что угодно сказать, – сквозь зубы сообщил он девчонке. – Может, ты вообще моя дочь? Или Папы Римского?

По девочкиному лицу покатились слезы. Она сунула руку в задний карман джинсов и вытащила маленькую черно-белую фотографию; фото шлепнулось на стол, как козырная карта. Вискас и Аспирин одновременно над ней склонились. На когда-то глянцевой, а теперь потертой и поцарапанной карточке обнимались мужчина и женщина. Лицо женщины виделось четко, она была брюнетка лет двадцати, не красавица, но очень веселая. Лицо мужчины получилось смазанным – видно, он поворачивал голову в момент съемки. За спинами влюбленных пенилось барашками море.

– Это он, – сказала девочка и слизнула самую крупную слезу, докатившуюся уже до губ.

– Да тут же невозможно разобрать, кто это! – выкрикнул Аспирин. – И потом… – добавил он тоном ниже, – мало ли кто с кем когда обнимался… Это же не доказательство!

Вискас смотрел на фотографию. Свинцовые глаза не выражали ничего.

– Чего тебе от меня надо? – Аспирин отступил к окну. – Денег… сколько тебе надо, чтобы ты ушла?

– Ни копейки, – сказала девочка твердо.

– Леха, – Вискас поднялся со стула. – Можно тебя на минуточку?

Аспирин пошел за ним в прихожую.

– Какого хрена? – устало поинтересовался Вискас.

– Она врет, – прошептал Аспирин. – Я клянусь тебе. Не было никакой Любы из Первомайска.

– Можно подумать, ты всех их помнишь, – пробормотал Вискас. – Как она оказалась у тебя в квартире?

– Я привел…

– Ах, привел, ну так и уводи, – бросил Вискас через плечо и взялся за дверную ручку. – Сам решай свои семейные проблемы. Привет.

Дверь захлопнулась.

В кухне серебристо прозвонил колокольчик – «ля», как справедливо заметила девочка.

Аспирин поплелся в комнату. Лег на диван и закинул ногу на ногу.

Как с ним могла приключиться эта идиотская история?

Мама всегда говорила: характер – это судьба. Стоит один раз, только один раз проявить слабость, и в образовавшуюся щель потоком врываются несчастья. Аспирин даже нищим старушкам на улице никогда не подавал – навсегда исключил их из своего поля зрения. Аспирин спокойно съедал свой пляжный шашлык на глазах у шатающегося по берегу пацана-попрошайки. Как могло случиться, что он притащил в дом, в свой дом-крепость, куда не ступала нога постороннего, – приволок чужого ребенка?

Наглого. Невоспитанного. Прожорливого. Грязного. Ну ладно, пусть чистого – но это временно…

Аспирин полежал немного и поднялся. Болезнь надо лечить, пока она свежая, как бы неприятно это ни было. Проблему надо решать, не затягивая. И он, Алексей Игоревич Гримальский, вполне способен о себе позаботиться.

Он вошел на кухню. Девочка сидела, баюкала медведя, смотрела в окно. Фотография по-прежнему лежала на столе. Присмотревшись, Аспирин понял, что смазанный молодой человек на снимке не имеет с ним ничего общего – знакомые черты, проступившие на фото под взглядом Вискаса, были наваждением, самовнушением или – кто знает? – уверенный голос этой маленькой ведьмы внушил Аспирину ложное чувство вины…

– Зря ты так переживаешь, – сказала девочка, по-прежнему глядя в окно.

– Пошли, – Аспирин взял ее за локоть. Маленькая тонкая рука, теплая, безволосая, чуть напряглась под его пальцами.

– Я останусь, – она повернула голову, но вставать не спешила. – Есть такой закон. Под чьей крышей проведешь первую ночь – того потом приходится держаться. Мы теперь связаны. И ни тебе, ни мне не порвать эту связь.

– Посмотрим…

Он дернул ее за руку, намереваясь оторвать от стула и отбуксировать в прихожую. И тут же выпустил; по кухне раскатилось глухое утробное рычание. Аспирин разжал пальцы прежде, чем вспомнил, где слышал его раньше.

– Тихо, ш-ш-ш, – девочка прижимала к себе игрушку, ба-

юкала, гладила. – Не бойся, Мишенька, все будет хорошо…

Аспирин глядел на них минуты три. Потом взял с полки початую бутылку коньяка, со стола чашку с остатками чая – и ушел в гостиную.

* * *

Он проснулся от раската грома. Во сне ему померещилось рычание, дикие крики людей, разрываемых пополам, игра теней на разрисованной грязной стене…

Он проснулся и понял, что это всего лишь гроза. За окном было серо; занавеска не колыхалась – кто-то предусмотрительно закрыл форточку. И горела настольная лампа.

Аспирин лежал на диване, тяжелый и рыхлый, как умирающая медуза. Рядом на журнальном столике стоял поднос; Аспирин приподнялся на локте, почуяв запах мяса.

Над куриной отбивной кружился пар. Тремя красными выпученными глазами лежали помидоры. В стороне стояла огромная чашка кофе.

– Ешь, – сказали из полумрака. – А ведь даже не завтракал.

– Который час? – сипло спросил Аспирин.

– Уже почти пять.

– Сколько же я спал?

Ответа не последовало. Аспирин сел, поморщился. Пустая бутылка из-под коньяка стояла, боязливо прижимаясь

к ножке дивана.

Он взял вилку и нож. Отбивная была нежная, в меру посоленная, в меру поперченная, в меру румяная.

– Вижу, ты уже готова замуж, – сказал он, жуя. – Шить-вязать, небось, умеешь? А сколько тебе лет?

Молчание. Девочка сидела, скрестив ноги, прижав Мишутку к груди.

– И как зовут тебя, кстати? И где ты взяла мясо? Я куриных битков в холодильнике не держу…

– Ты и овощей не держишь, – отозвалась девочка. – И картошки… Пошла и купила. На базаре возле метро.

– А-а-а, – сказал Аспирин и потянулся за кофе. – А в аптеку за клофелином ты не заходила, случайно?

– В аптеку за клофелином, – повторила девочка, будто оценивая масштаб шутки. – Зачем? Ты и так продрых весь день, как убитый… Это у тебя такой способ уходить от проблем, да?

Аспирин проглотил издевку вместе с огромным глотком кофе. Любимый напиток, надо сказать, был достоин всяческих похвал – сам Аспирин так не сумел бы сварить.

За окном вспыхнула молния и почти сразу же рявкнул гром. От удара включилась сигнализация оставленных во дворе машин. Бедняги завопили на разные голоса. Аспирин поставил чашку на поднос.

– И что ты еще делала?

– Читала. Я тут журналы нашла…

Аспирин поднял голову и увидел, что на ковре лежат, привольно раскинув станицы, два номера журнала «Мачо» и три номера «Люли-Леди».

– «Доктор Аспирин» – это же твоя подпись? – серьезно спросила девочка.

Аспирин застонал. Лег, поудобнее пристроил под головой подушку.

– Я догадалась, – сказала девочка. – «Сто рецептов здорового секса», «Как познакомиться с блондинкой», «Как безболезненно расстаться с блондинкой»…

– Кто тебя прислал?

– Никто. Я сама. Потому что ты мне нужен.

– Зачем?

– Одна я ничего не могу. Я ничего не знаю… Всего боюсь…

– Я заметил, – процедил Аспирин сквозь зубы.

– Правда, – девочка вздохнула. – У меня никого нет. Кроме Мишутки.

Аспирин вздрогнул. Девочка неслышно подошла. Взяла поднос с грязной посудой, двинулась на кухню.

– Погоди! – крикнул Аспирин ей в спину. – Как тебя все-таки зовут?

Снова грохнул гром. За секунду до этого молния осветила темную комнату, японский календарь на стене, корешки книг на полках и бледное девочкино лицо.

– Алена, – сказала она осторожно, как человек, который

только что выдумал себе имя и не уверен, годится ли оно.

– Врешь, – сказал Аспирин.

Девочка пожала плечами и вышла из комнаты.

Аспирин потряс головой. Наваждение продолжалось. Подрагивали стекла под порывами ветра. На кухне деликатно позвякивали посудой.

Как он мог заснуть? Вот так все бросить, напиться… Она привела бы кого угодно… своих хозяев, или кто там ее послал…

– Эй! – хрипло крикнул Аспирин, стараясь, чтобы голос дотянулся до кухни. – А ключи от квартиры ты где взяла?

– У тебя в кармане куртки, – ответил невозмутимый голос. – В прихожей.

Он преодолел головокружение и встал.

– А сейчас они где? Где, я спрашиваю?

– Там же. Я их обратно положила…

Шум воды из крана, звук вилки, которую уронили в железную раковину.

– Учти, – сказал Аспирин сквозь зубы. – Замки я завтра поменяю – оба. А квартира будет на сигнализации, и кода ты не знаешь… А деньги? Где ты взяла деньги?!

– Сорок пять.

– Что – сорок пять?

– Код сигнализации – сорок пять, ты так и оставил, забыл перевести на нули… А деньги я взяла там же, в кармане, сдачу положила обратно.

Шум воды прекратился. Аспирин вошел в кухню. Девочка стояла перед опустевшей и очень чистой раковиной, небрежно вытирала руки полотенцем.

– Там консьержка, которая сегодня дежурит, другая, тетя Света. Мы с ней познакомились. Я сказала, что я твоя дочка из Первомайска. Она очень удивилась…

– Сейчас ты уйдешь, – тихо и твердо сказал Аспирин.

– Куда? В дождь? В грозу?

– К чертям под задницу! Меня не волнует.

Алена улыбнулась:

– У тебя большая двухкомнатная квартира… Некоторые люди годами в коммуналках живут. По четверо в одной каморке. А тебе жалко бездомного ребенка пустить. Хотя живешь один, и места у тебя – завались.

– Все. Я вызываю милицию, – Аспирин развернулся, чтобы идти в комнату.

– Звони, – пробормотала Алена ему в спину. – Я скажу, что ты заставлял меня ходить перед тобой голой. И принимать всякие позы. А за это кормил. И еще…

Он развернулся и влепил ей пощечину – так, что мерзавка отлетела и врезалась спиной в кухонную мойку. Больше ничего не слушая и ни на что не глядя, Аспирин почти бегом бросился в ванную, включил горячую воду и сунул руки под кран – смыть, стереть ощущение ее лица под ладонью.

В кухне было тихо. Снаружи молотил дождь по жестяным козырькам. Аспирин сорвал с крючка полотенце:

– Заслужила! А не уберешься сейчас, получишь еще!

Девочка стояла там, где он ее оставил. На футболку с надписью «Krakow. Learning to fly» уже упали – и продолжали падать – крупные капли крови из носа и почти невидимые капли слез.

Вот так и ловят идиотов, подумал Аспирин. Сидят в переходах с младенцами. Подсылают маленьких аленушек, а ты, считающий себя умным, на поверку оказываешься простаком и лохом…

За окном грохнуло так, что снова заверещали насколько машин у подъезда.

– Чего тебе от меня надо? – рявкнул Аспирин, пытаясь злостью вытеснить все другие чувства. – Дочка, да? От Любы из Первомайска? Да как твой язык поганый повернулся! Тварь ты брехливая! Пошла вон!

– Очень хорошо, – сказала девочка сдавленным от слез голосом. – Давай… я спущусь к тете Свете, скажу, что ты напился, избил меня и выгнал… Пусть хоть в каморке меня приютит…

У Аспирина пол качнулся под ногами. Несколько секунд он стоял, с ненавистью глядя в ее бледное, залитое слезами и кровью лицо, потом побрел в комнату и взял телефонную трубку.

Куда звонить? Кому звонить? Что объяснять?

В квартире сделалось темно, как поздним вечером. Аспирин, решившись, уже почти набрал ноль-два, когда вслед за

очередным ударом грома послышался звонок в дверь.

Вискас вернулся?

А эта стерва стоит на кухне с разбитым носом, в футболке, испачканной кровью, стоит и ревет…

А вдруг это хозяева девчонки, те самые, что ее подослали?

Аспирин метнулся к двери и задвинул засов. Пусть у них дрель, пусть дубликаты ключей, пусть автоген, в конце концов – он успеет позвонить ноль-два и достать пистолет. Пусть приходят…

Звонок повторился. Аспирин, поднявшись на цыпочки, шарил рукой по верхней полке шкафа. Где?! Вот, вот он… пыльная рукоятка… давно не тренировался… Не ко времени, да и духу не всегда хватает – пистолет нелегальный, разрешения нет, купил сдуру…

Или не сдуру?

– Не открывай, – сказали у Аспирина за спиной. Он вдруг вспомнил – идиот! – что девчонка стоит и наблюдает за его манипуляциями, и если увидит оружие – стукнет ментам при первой же возможности: «Дяденьки милиционеры, у него ствол припрятан!».

Он быстро отдернул руку. Вытер о штаны. Девчонка прожженная – наверное, уже догадалась… «Дяденьки милиционеры, посмотрите у него на антресолях!»

Звонок прозвучал в третий раз – длинно и настойчиво. Что со мной стало за прошедшие сутки, подумал Аспирин. Я совсем слетел с катушек. Может, это пришел почтальон. Или

консьержка тетя Света. Что такое есть в этой девчонке, что из-за нее я глупею: вместо того, чтобы поскорее выбраться из дерьма, все глубже в него забираюсь…

Он поднял стальной язычок, прикрывающий стеклышко «глазка», и тут же вообразил, как пришелец снаружи подносит к стеклышку дуло пистолета. Он мигнул; увидел искаженный линзами коридор и человеческую фигуру в двух шагах от двери. Уже хорошо – пластырем «глазок» не заклеили и ладонью не прикрыли, и лампу в коридоре не выкрутили…

Пришел незнакомый мужчина. Это все, что Аспирин смог определить.

– Кто там? – спросил он тоном человека, которого побеспокоили понапрасну.

– Я за вашей гостьей, – послышалось снаружи. – Она вам еще не надоела?

Аспирин оглянулся.

– Не открывай! – девчонка стояла в дверях кухни, прижимая к груди медведя, глядя на Аспирина снизу вверх. Она не боялась ни темной подворотни, ни наступающей шпаны, ни Вискаса с его угрозами, ни тем более Аспирина. Сейчас в ее голубых глазах был ужас.

– Я заберу у вас Алену, – сказали из-за двери. – Она совсем отбилась от рук, извините.

– Не открывай… – девчонка сгорбилась у дверного косяка. – Это он. Он меня нашел.

Вот и все, подумал Аспирин с угрюмым облегчением. Кто

бы ни был этот пришелец, какие бы отношения ни связывали его и девчонку – приключение, кажется, подошло к концу, и завтра я поверю, что никакой Алены здесь не было.

Он отодвинул засов.

– Алеша, – сказала девчонка глухо. – Не только ради меня… Не открывай, пожалуйста. Он не войдет, пока сам ты его не впустишь.

Аспирин щелкнул верхним замком. Он боялся, что девчонка повиснет на нем, начнет рыдать и клянчить, но она стояла, как приклеенная, в дверях кухни, и только ниже и ниже сгибалась, будто у нее болел живот.

Может, это ловушка, неуверенно подумал Аспирин. Может, они сговорились? Может, они только и ждут, чтобы я открыл дверь?

– Кто вы такой? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал начальственно.

– Вам паспорт показать? – за дверью послышался смешок.

– Покажите, – предложил Аспирин. – Я хочу знать, кто вы такой, кем вы приходитесь этой девочке, и почему вы не смотрите, как следует, за ребенком… вы ее отец?

– Алексей Игоревич, вас это в самом деле волнует?

Аспирин снова посмотрел в глазок. Пришелец ухмылялся.

– Не открывай, – прошептала Алена, сползая вниз по дверному косяку. – Пожалуйста…

Она выглядела плохо. Нос и губы в засохшей крови, ли-

цо бледное, в глазах паника, под глазами круги. Вряд ли так можно притворяться.

– Откуда вы меня знаете? – спросил Аспирин. – Впрочем, не важно… Девочка не хочет с вами идти. Я звоню в милицию.

– Да что вы как попугай, – устало сказали снаружи. – Надеялись бы, что поможет – пять раз бы уже позвонили.

Он был прав. Аспирину стало стыдно.

Я хозяин в своей квартире, сказал он себе и расправил плечи. Какого черта я должен чего-то бояться, стесняться, дрожать, как пенсионерка? Я мужчина, я в своем праве. Вокруг соседи, внизу консьержка…

– Чего ты трясешься? – грубо спросил он девчонку. – Не хочешь с ним идти – и не пойдешь. Только объясни мне, наконец-то, кто он такой!

Девочка слабо помотала головой.

– Так и будем через дверь разговаривать? – спросили снаружи.

Аспирин сжал зубы и щелкнул нижним замком. Открыл дверь – рывком, демонстрируя, что ничего не боится.

Пришелец все так же стоял посреди коридора. Он был высок, выше Аспирина, в сером свитере грубой ручной вязки и камуфляжных штанах. Секунду спустя, когда гость шагнул через порог, Аспирин увидел, что он без обуви. На кафельном полу прихожей отпечатались один за другим мокрые следы узких босых ступней.

– Мир этому дому, – заметил пришелец, оглядываясь и будто бы не замечая ни хозяина, ни сидящей на полу девочки.

В подтверждение его слов за окном сверкнуло и грохнуло ярче и громче прежнего. Аспирин невольно вздрогнул.

Пришелец повернул голову, наконец-то удостаивая хозяина прямого взгляда. Чекист, подумал Аспирин. Или очень крутой пахан. У незваного гостя были голубые с прозеленью глаза, холодные, безучастные и одновременно цепкие; Аспирину неизвестно зачем пришло на память слово «кишкодер». А ведь не отдам ему девчонку, подумал он, и живот его подобрался сам собой. Лучше подкину ментам, лучше выброшу на вокзале… Ему не отдам; приняв решение, Аспирин вдруг понял, что дерьмо, в котором он барахтался последние сутки, поднялось выше ватерлинии и вот-вот хлынет в иллюминаторы.

Тем временем гость перевел взгляд на девочку. Алена сидела на полу, и остекленевшие глаза ее были очень похожи на глаза пришельца. Да ведь они родственники, подумал Аспирин. Господи, пронеси…

В этот момент Алена вдруг заговорила. Глядя прямо в лицо босому незнакомцу, она говорила жестко, яростно, с угрозой. Аспирин не понимал ни слова, более того, он мог поклясться, что никогда в жизни не слышал этого языка.

Пришелец слушал. Свитер у него был совершенно сухой, камуфляжные брюки влажные по колено, а ступни чистые и

мокрые. Как будто гость подкатил на машине к самому подъезду, опустив при этом ноги в тазик с водой.

Девчонка говорила все громче. Когда она перешла на крик, пришелец резко осадил ее на том же языке; девчонка перевела дух и снова заговорила, на этот раз тихо, сдавленно, сквозь зубы.

Не цыгане, подумал Аспирин. Не арабы… Средняя Азия? Чушь… Что за язык? Кто они? Что они делают в моей квартире?

– Одну минуту, – начал он, но на него не обратили внимания. Девочка говорила и говорила, испепеляя пришельца взглядом – вернее, замораживая, потому что глаза у нее сделались как два ледяных шарика. Гость слушал; Аспирин почувствовал, как холодно стало вдруг в прихожей. Как будто мощный кондиционер включился вдруг на полную катушку – плюс восемнадцать… семнадцать… шестнадцать…

Пришелец сказал что-то коротко и властно. Шагнул вперед, явно намереваясь взять девчонку за ворот грязной футболки. Девчонка отшатнулась, быстро посмотрела на Аспирина: их взгляды встретились.

– Погодите, – сказал Аспирин (температура воздуха в прихожей к этому моменту опустилась, наверное, до плюс десяти). – Вы не объяснили мне, кем приходитесь… и куда хотите забрать. И не показали паспорт. И…

Гость обернулся, и еще не сказанные слова вмерзли Аспирину в глотку.

– Он тебя бил, – сказал пришелец по-русски.

– Он меня привел! Я провела у него ночь!

– Он ошибся, – пришелец смотрел на Аспирина, и тому хотелось стать тараканом и залезть под плинтус. – Вы ведь ошиблись, Алексей Игоревич?

– Я… – выдавил Аспирин.

Девочка снова заговорила на чужом языке. Пришелец отвел взгляд от Аспирина (тот облегченно отступил спиной в темную гостиную) и подошел к зеркалу в прихожей. Аспирину в какую-то секунду показалось, что поверхность зеркала покрывается ледяными игольчатыми узорами.

Пришелец поправил шнурок на шее – красно-желтый шнурок, чуть выбившийся из-под воротника. На груди под свитером угадывался продолговатый предмет, слишком большой для обыкновенного мобильника.

– Включите свет, Алексей Игоревич.

– А…что?

– Я говорю, включите свет в гостиной. Раз уж намечается разговор.

Щелкнул выключатель. Явились из темноты смятый плед на диване, пустая бутылка коньяка, разбросанные по полу журналы и диски.

Антикварные настенные часы цокнули в последний раз и стали. Аспирин даже не удивился, глядя, как подергивается, сокращая амплитуду, маятник.

– Можно мне сесть на диван? – босоногий ухмыльнулся.

Он явно ни у кого никогда не спрашивал разрешения; Аспирин изобразил вялую попытку прибрать плед, но гость распорядился сам – отбросил клетчатую ткань в угол дивана, уселся, закинув ногу на ногу.

Девчонка не стала входить в комнату – опустилась на пол в дверном проеме.

– Она в самом деле провела у вас ночь?

Аспирин оскалился:

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что наступило утро, а девочка все еще находилась здесь, под этой крышей. Больше ничего я не имею в виду, не надо сверкать на меня глазами… Алексей Игоревич, зачем вы это сделали?

– Что я сделал?!

– Зачем вы ночью привели в дом совершенно чужого ребенка?

– Потому что там нарки! – рявкнул Аспирин. – Алкаши! Просто пьяная шпана! Что, непонятно?

– Непонятно, – печально подтвердил незнакомец.

Аспирин подумал, что по-русски он говорит без малейшего акцента. Как и Алена.

– Помочь ребенку – нормальная человеческая реакция, – сказал он, внутренне перекосившись от стыда.

Пришелец вздохнул. Поджал губы. Спросил о чем-то у девочки. Та ответила жестко, почти грубо.

– Дорогой друг, – незнакомец качнул босой ступней, по-

глядывая то на Аспирина, то на сидящую в углу Алену, – вы знаете, сколько детей в это самое время мерзнут под дождем? Или их бьют, например. Или насилуют. Вас это хоть каким-то местом цепляет?

– А кто вы такой, чтобы читать мне мораль? – Аспирину захотелось завернуться в плед. Или хотя бы обхватить себя за плечи – так в комнате сделалось холодно. Но он удержался, не желая показывать слабость. – Я не звал вас в гости. Или вы говорите, кто вы такой, и уводите девочку, или…

– Не отдавай меня! – крикнула Алена.

– Или? – с интересом спросил незнакомец.

– Или просто уходите, – тихо закончил Аспирин.

Раздумывая, гость дотянулся ступней до пустой бутылки. Потрогал пальцами крышку; в один сумасшедший миг Аспирину показалось, что сейчас он легко и непринужденно свернет колпачок – ногой. Вместо этого незнакомец толкнул бутылку, и она упала на ковер, как кегля.

– Дело затягивается, – сказал пришелец. – Хорошо, я скажу вам: я директор детдома, из которого эта мерзавка сбежала, никого не предупредив. И теперь я водворю ее на место… Вопросы будут?

– Вы врете, – сказал Аспирин. – Вы не директор детдома.

– А кто я?

Хотел бы я знать, подумал Аспирин.

– Гримальский, вам нет до нее дела, – сказал незнакомец. – Куда я ее уведу, будет ей хорошо или плохо… Она не

будет больше отягощать вас и втягивать в авантюры. Да?

Аспирин молчал.

– Перед моим приходом вы собирались ее выкинуть? Да?

– Я сам с ней разбирусь, – сказал Аспирин тихо, – и сам за нее отвечу. Куда я ее отдам, будет ей там хорошо или плохо…

– Он сказал! – девчонка подпрыгнула. – Слышишь?

Еще раз бабахнуло за окном.

– Гримальский, вы *попали*, – печально заметил сидящий на диване незнакомец. – Я честно хотел вам помочь, но в вашем исполнении даже потуга на доброе дело оканчивается, гм… Возьмите, – он сунул руку за пазуху, вытащил сумку-«ксивник», висящую на одном шнурке с длинным кожаным футляром. Извлек из сумки ламинированную гербовую бумагу. Уронил рядом с собой на диван.

– Свидетельство о рождении Гримальской Алены Алексеевны, тысяча девятьсот девяносто пятого года рождения, мать – Кальченко Любовь Витальевна, отец – Гримальский Алексей Игоревич. Денег не предлагаю – вы человек обеспеченный, а Алена скромный, неприхотливый ребенок.

– Как… – выдохнул Аспирин.

Пришелец поднялся, убирая «ксивник» за пазуху – вместе с футляром.

– А вот так, Алексей Игоревич. Были пути к отступлению, но вы отказались. Теперь прощайте, надеюсь, надолго.

– Это фальшивка! – Аспирин кинулся к дивану и схватил

бумажку. Имена и даты были не вписаны чернилами, как когда-то в метрике самого Аспирина, а впечатаны на скверной печатной машинке, и только подпись начальника ЗАГСа – от руки.

– Это фальшивка. Это просто смешно.

– Не смешно, – пришелец остановился перед раскрытым пианино, где на клавиатуре все еще покоилась голова фарфоровой куклы. – Потому что это подлинный документ – во всяком случае, в книге гражданского состояния города Первомайска сделана соответствующая запись.

– Не было… – Аспирин от возмущения захлебнулся. – Я никогда не был в Первомайске…

– Были в Крыму. Вместе с Любой.

– Ложь! Подстава! Я эту, – Аспирин завертел головой в поисках девчонки, но ее уже не было в комнате, – я ее… перестаньте! Забирайте! Убирайтесь оба!

Гость положил руки на клавиши. Возник аккорд. Аспирин вздрогнул. Пальцы гостя, длинные и загорелые, с белыми шишками суставов, метнулись по клавиатуре, и Аспирин замолчал, потому что от этих разрозненных звуков у него мороз продрал по коже.

– Я ведь предупреждал, – тихо сказал пришелец. – Она, конечно, не подарок. Но теперь, если вы каким-то образом обидите новоявленную Алену Алексеевну… Слышали у Земфиры – «Но у тебя СПИД, а значит, мы умрем»? Слышали, вы ведь ди-ждей…

Он снова коснулся клавиатуры. Аккорд; антикварные часы конвульсивно дернули маятником и пошли быстрее обычного – будто демонстрируя усердие.

– Вы ее тут не пропишете! – выкрикнул Аспирин. – Ясно? Я квартиру специально завещаю… детскому фонду! Вы ее не получите!

– Заткнитесь, – устало бросил босоногий, выходя в прихожую.

Девчонка стояла спиной к зеркалу, по-прежнему бледная как смерть, в залитой кровью футболке. Губы ее шевельнулись. Слов Аспирин не понял.

– Да, – сказал босоногий. – Держи.

Снова сунул руку за пазуху и вытащил маленький прозрачный пакет. Протянул девчонке. Зависла длинная пауза; Аспирин видел, что в протянутой руке пришельца – запаянные в полиэтилен струны. И что девчонка хочет взять их, но почему-то боится подойти к человеку в свитере и принять пакет из его рук.

Босоногий разжал пальцы. Пакет медленно – или так показалось Аспирину – упал на облицованный плиткой пол.

– Прощай, мелкая, – сказал босоногий. – Счастливого краха иллюзий.

Он вышел, прикрыв за собой дверь, и в квартире сразу же потеплело.

* * *

– Мне там все пришлось постирать, – сказала Алена. – Футболку… и штаны тоже. Я там на батарее повесила… Ничего?

Она стояла перед Аспирином, завернувшись в белое полотенце, и казалась младше своих лет.

– Ничего, – сказал Аспирин отстраненно. Он сидел на полу и бездумно перебирал диски. Музыкальный центр ждал, терпеливо выдвинув пустой язык.

– Я могу в кресле спать. Как вчера, – пробормотала Алена.

– Зачем же в кресле, – все так же отстраненно отозвался Аспирин. – Выбирай лучшую кровать… Все твое, чего стесняться, – он обвел рукой комнату. – Твоя квартира… вернее, не твоя, а твоих хозяев. Тебя-то, наверное, дальше служить пошлют…

– Ты ничего не понял, – шепотом сказала Алена.

Он посмотрел на нее. Девочка плотнее запахнула полотенце.

– Я немножко есть хочу, – сказала еще тише. – Можно, возьму себе хлеб с маслом? Там на кухне есть, я купила…

– Алена, – Аспирин оставил диски, потянулся к девчонке, почти коснулся ее плеча, но в последний момент задержал руку. – Давай по-хорошему.

– Давай, – она улыбнулась с готовностью, как будто этих

слов и ждала.

– Прости, что я тебя ударил, – сказал Аспирин через силу.

– Ничего, – девчонка покладисто кивнула. – Я понимаю. Ты испугался…

– Испугался?!

– Ты все время боишься. И не мудрено. Здесь плохо у вас. Даже Мишутка чувствует, он такой грустный… Можно, я и для него возьму меда?

– Можно, – меланхолично отозвался Аспирин. – Вот скажи мне, Алена… Тебя, наверное, запугали? Не зря ты так трясешься при виде этого…

– Не надо о нем, – тихо попросила Алена. – Не сейчас.

– Значит, ты тоже боишься…

– Боюсь, – грустно призналась девочка.

– Что там у них, банда? Секта? – осторожно предположил Аспирин. – Гипноз? Демонов вызывают, нет?

Алена взобралась на кресло и села, укрыв полотенцем колени, похожая на маленький махровый сугроб.

– А ты демонов боишься? – спросила, глядя Аспирину в глаза.

– Да чего их бояться, – Аспирин хихикнул. – Людей бояться надо. Таких, как этот твой…

– А он не человек.

– Демон? – Аспирин хихикнул снова. – И ты с ним говорила на языке демонов?

Девочка помолчала, разглядывая свою левую руку с заусе-

ницей на указательном пальце.

– У тебя маленькие ножницы есть?

– В ванной, – механически ответил Аспирин. – Признайся, вы с ним все разыграли? Он бы тебя все равно не забрал, ведь так?

Девочка боком слезла с кресла и направилась в ванную. Край полотенца волочился по полу.

– Забрал бы, – сказала, не оборачиваясь. – Ты, конечно, трус и предатель, но ты мне еще раз помог.

И дверь ванной закрылась на защелку.

Вторник

– Итак, дорогие мои, утро вторника – это утро вторника, это всегда печально, потому что начинается рабочий день, но есть одно маленькое обстоятельство, которое должно вас и меня утешить – утро вторника это все-таки не утро понедельника, а значит, на один маленький шаг – на один день – мы стали ближе к нашей заветной цели, то есть к субботе…

Такую пургу он гнал на автомате, не задумываясь. Он мог бы болтать то же самое во сне или под наркозом. Кто-то из его приятелей-завистников однажды заметил, что словоиспускание Аспирина не имеет отношения к высшей нервной деятельности – это акт физиологический, как чихание или дефекация, и приносит поэтому чисто плотское наслаждение.

В чем-то приятель-завистник был прав.

– Во-от, у нас есть первый звоночек… Так… Кто у нас на линии? Инночка у нас на линии, здравствуйте, Инна. Вы сейчас дома или на работе? Дома? Видите как, вся страна вам завидует, потому что страна как раз на работе… Правила игры вам известны. Я напомню для наших слушателей: Инна должна отгадать слово, которое я задумал. Инночка, у вас есть минута, вы задаете мне вопросы, я отвечаю… Итак, время пошло!

Сегодня был вторник, с восьми вечера предполагался «Куклабак». Накануне Аспирин думал, что не уснет, тем не менее отключился уже в полпервого – и в шесть утра вскочил, как ошпаренный.

Алена спала в кресле, завернувшись в полотенце, прижав к груди светло-коричнего медведя с пластмассовыми глазами. В ванной сушились на батарее футболка, джинсы, полосатые носочки и белые трусики. Аспирин долго стоял, глядя на все эти тряпки, пытаясь понять, что теперь делать, куда бежать и к кому обращаться…

В восемь утра у него был эфир. В полвосьмого удалось переговорить по телефону с Вискасом.

– Правду надо было выкладывать с самого начала, – Вискас был раздражен и не скрывал этого. – А то придумал какую-то вроде чужую девчонку, которую ты вроде как из жалости подобрал…

– Она мне не дочка! Говорю тебе – подстава… Ксива под-

дельная… Говорят по-тарабарски… Албанцы какие-то… Они меня прикончат, а квартиру унаследуют – через нее…

– Параноик, – Вискас угрюмо сопел в трубку. – Ты ж не забытый пенсионер, ты на виду, какого черта им так рисковать?

– А вот когда ты в морге увидишь мой труп…

– Съешь тазепама и дай мне поспать. Я ночью работал, блин.

И Витя Сомов бросил трубку.

Аспирин чувствовал себя ужасно и потому не стал садиться за руль – вызвал такси. До эфира оставалось двадцать минут; девочка, завернутая в полотенце, проснулась и подняла голову.

– Я ухожу, – сказал ей Аспирин. – Одевайся и марш на улицу. Одну в квартире я тебя не оставлю.

– А куда мне? – спросила она сонно.

– Куда хочешь. Гуляй на детской площадке. Детям полезен свежий воздух… Быстрее, у меня машина под домом!

– Можно мне с тобой? – спросила девочка из ванной.

– Нет. Я иду на работу.

– Ой, у меня брюки не высохли…

– Надевай как есть. Или иди без штанов.

– Можно, я останусь…

– Нет.

– А можно, я посижу у тебя на работе? Тихо-тихо…

– Я сказал, где ты будешь сидеть! – рявкнул Аспирин, на-

щупывая в кармане куртки ключи. – Во дворе на лавочке!

Девочка вышла из ванной. Темные пятна на футболке отстирались не совсем – если присмотреться, было видно, куда капала кровь из разбитого носа. Аспирин поморщился.

– Что стоишь?

Он вытолкал ее из квартиры и мысленно вздохнул с облегчением: какая-никакая, а подвижка. Девчонка за дверью, ее сомнительное свидетельство о рождении у Аспирина в сумке. Какие есть рычаги давления на него? Да никаких… Почти.

– Погоди! Я Мишутку забыла…

– Перетопчешься! – Аспирин уже вызывал лифт.

До эфира оставалось двенадцать минут. Машина ждала у подъезда.

– Сиди здесь, – он подтолкнул девчонку к лавочке.

– Можно мне все-таки с тобой?

– Нельзя!

Он захлопнул дверцу машины. Водитель ехал лихо, где надо, выезжал на встречную, где надо, разворачивался через двойную осевую – сам Аспирин никогда бы так не решился. На студии его встретили упреками; он захлопнул за собой звуконепроницаемую дверь, упал в кресло перед микрофоном, натянул наушники и с ходу забарабанил:

– Ну, с добрым утречком, мои любимые! С вами ди-джей Аспирин, а это значит, что скучные часы в офисе, за монитором, за рулем, за рабочим столом, на трудовом, короче, по-

сту станут чуть менее серыми, чуть более цветными, потому что с вами «Лапа-Радио»! Лапа-Радио протягивает мягкую лапу, касается ваших ушей, и вот первая ласточка нового часа… глоток энергии в начале дня: Верка Сердючка уверяет вас: все будет хорошо…

Он отключил микрофон и выслушал поток брани от режиссерши. Велел принести себе кофе. Сказал, не удержавшись:

– Если бы ты знала, Юлька, что со мной было, ты бы не матюкалась…

На закономерный Юлькин вопрос, что было, Аспирин только вздохнул и покачал головой.

Шло время. Крутилась попса. Звонили ПТУшники и требовали еще попсы. Аспирин жевал бутерброды, пил кофе и думал, что попса накрыла всех, даже молодежь, и что вечером к «Куклабаке» будет прикольная команда, поймавшая модную хип-хоповую волну. Ребята сняли два клипа, но на телевидение им не пробиться никогда, потому что попса накрыла всех… И мысль его пошла по кругу, как трамвай.

К концу четвертого часа он забыл о девчонке и о своих проблемах. Он вообще ни о чем не думал. Слова лились из него, как подслащенная вода.

– Ваш первый вопрос, Инночка?

– Это мужского рода или женского?

– Браво! Вы настоящий филолог! Это среднего рода, это «оно».

– Это на улице или дома?

– И там и там, бывает, попадается, случается и там, и там… Дальше?

– Это твердое или мягкое?

– Хм… Смотря как. Бывает твердое. Но не очень. Ножом его можно резать, поддается.

– Это одушевленное или нет?

– Ого, Инночка… Как же вы одушевленное будете резать ножом? Скажем так: это было когда-то одушевленным, а теперь нет… Дальше?

– Это стоит или лежит?

– Обычно лежит…

Пауза. Сопение.

– Инночка, время истекает, мы все ждем вашего ответа – или новых вопросов… Если вы угадаете – сегодня сможете пойти в кино, вас уже ждут два билета… Осталось немного… О, я слышу сигнал! Время истекло! Что я задумал? Что это?

– Может, скамейка? – предположила невидимая Инночка.

Даже режиссерша, ко всему привычная, закатила глаза.

– Гм, – сказал Аспирин. – Инна, я все-таки думаю, что вы заслужили эти билеты. Дорог не результат, дорого старание. Кроме того, вы знаете слово «одушевленное»… Я задумал сало, сало я задумал, вот так просто, так просто… Оставайтесь на линии, сейчас вам объяснят, где вы сможете забрать ваш выигрыш!

Включился прогноз погоды. Опять грозы и ливни. После прогноза пойдет блок рекламы на пять минут, и Аспирин сможет выкурить сигаретку под кофе…

Телефон в кармане рубашки задергался и заиграл тему из «Звездных войн».

– Аспирин, мать твою! Ты что, не выключил мобилу?

– Не ори, Юлька, мы не в эфире, – пробормотал он, выуживая трубку из кармана. Номер на табло был незнакомый. – Алло!

– Леша, – Аспирин не сразу узнал голос консьержа Васи. – Тут у вас… короче, такое у вас в квартире, надо, чтобы вы приехали…

– Что? – прошептал Аспирин, обмирая.

– Вроде воры…

Аспирин вспомнил, что опять забыл включить сигнализацию.

– Вызывайте ментов, если воры…

– Они так кричат…

– Воры?!

– Да… Я думал… вы там никого в квартире не оставляли?

Перед глазами у Аспирина мелькнуло жалобное лицо Алены – как она смотрит вслед отъезжающей машине…

– Девочка… – пробормотал он.

– Девочка ваша здесь, я ее к себе забрал… в будку… А там… так вызывать милицию?

– Вызывай! – рявкнул Аспирин. – Сразу надо было!

«Конец разговора», высветила трубка.

* * *

У подъезда стояла милицейская машина и «Скорая помощь». И толпа любопытных – как же без них.

– Алеша, это у вас?

– Что случилось?

Из дверей парадного как раз выносили носилки, накрытые простыней. В первую секунду Аспирину показалось – все, труп. Потом он разглядел желтоватое, залитое кровью лицо. «Труп» вполголоса ругался и стонал.

– Это ваша пятьдесят четвертая?

Дверь в квартиру оказалась приоткрытой, на пороге стояла Алена, и она вовсе не казалась испуганной. Наоборот, заулыбалась, увидев Аспирина:

– А тут такое было!

Коврик перед дверью был усыпан не то стружками, не то опилками. Высверлили замок?

Дверь приоткрылась. Выглянул круглощекий милиционер:

– Вы хозяин?

– Я хозяин, что случилось?

– Войдите…

Аспирин вошел – и чуть не грохнулся в обморок. Прихожая была заляпана кровью. Кровь на зеркале, на полу, на сте-

нах, на мебели… Алена стояла тут же, ничуть не смущаясь.

– Убрали бы ребенка, – буркнул мент. – Все-таки…

– Иди на улицу, – сказал Аспирин резиновыми губами.

– Я там весь день проторчала, – огрызнулась Алена. – И чего я тут не видела? Ну, кровища…

Аспирин поймал взгляд мента.

– Современные дети, – пробормотал сипло. – Фильмы, игры… кровища…

– Документы, – потребовал мент нелюбезно.

Аспирин отыскал в куртке водительские права. Мент изучал их долго и подробно, скептически хмурился, будто не желая верить подлинности документа.

– Документы на ребенка есть?

Аспирин едва не взвыл. Переглянулся с Аленой (та улыбалась). Нашел в сумке свидетельство о рождении, запаянное в ламинат. Мент и его внимательно изучил.

– Документы на квартиру?

– Что здесь произошло? – сказал Аспирин чуть громче и чуть тоньше, чем хотел бы. – Что здесь, у меня в квартире… что случилось?

Из гостиной показался человек в светло-синем халате – он тащил еще одни носилки, на которых тоже кто-то лежал. Носилки с трудом развернулись, оттеснив Аспирина к заляпанной кровью стенке. Аспирин разглядел молодое, с признаками вырождения лицо лежащего – парень был без сознания, поперек щеки его тянулись три глубокие борозды, ухо бол-

талось на лоскутке кожи.

– Мы поехали? – спросил второй человек в халате, ногой придерживая входную дверь.

– Давайте, – сказал мент.

Дверь закрылась.

* * *

– А может, они психически ненормальные? – с надеждой спросил Аспирин.

Старший опер брезгливо поморщился. Младший спросил:

– А орудие?

Аспирин в который раз оглядел комнату. Стеллаж с дисками опрокинут, как если бы за него цеплялись, пытаясь подняться. Диван в крови, ковер в бурых пятнах. Все остальное как прежде – книги, картины на стенах, сувенирный подсвечник из Венеции. Ничего не тронуто, не разбито, не сдвинуто с места.

– Вы тут не трогайте до экспертизы, – в который раз сказал младший мент.

– Что же мне, так и ночевать?

– А вы в спальне ночуйте. Там чисто.

– Спасибо, – вздохнул Аспирин.

«Куклабак» на сегодня накрылся. Аспирин перезвонил Фоме, коллеге-сопернику, слезно просил подменить, как-то

выкрутиться и что-то придумать. Расписал события сегодняшнего дня в таких красках, что даже Фома, кажется, поверил. Во всяком случае, подменить обещал.

– Подумайте сами, – опер вздохнул. – Мы приезжаем, квартира взломана, крови по колено и два истошных голоса орут из комнаты, что, мол, спасите… У вас дверь в комнату дубовая, хорошая, на двери защелка… Ну, открыли. Шок. Множественные раны, нанесенные острыми предметами – такое впечатление, что их шинковкой полосовали…

– Кто?

– Вот именно, кто?

– Я был в эфире, – быстро сказал Аспирин.

Опер удивленно на него покосился.

– А они что говорят? – спросил Аспирин, желая загладить неловкость.

Опер пожал плечами:

– Один никак в сознание не приходит… А другой говорит, что да, решили взять квартиру, открыли дверь, вошли, и тут на них напало чудовище. Так и говорит – чудовище. С клыками, с когтями. Мохнатое. На задних лапах – ростом с человека.

– Это же белая горячка.

– А орудие? – снова спросил молодой мент.

– Не волнуйся, – звонко сказала Алена, стоящая, по своему обыкновению, в дверях. – Я все вымою, уберу, будет как новенькое.

И крепче прижала к себе любимого медвежонка.

– Боевая девочка, – пробормотал старший опер. – Хорошо, что она была во дворе…

– У вас квартира на сигнализации? – спросил младший.

– Да. Только я забыл включить.

– А зря, – осуждающе заметил старший. – Из-за таких вот забывчивых… А где ваша собака?

– У меня никогда не было ни собак, ни кошек, ни хомячков, – отчеканил Аспирин.

– Не любите животных?

– Я занятой человек. Я чувствую ответственность за живое существо, не хочу запирать в пустой квартире, – Аспирин потер ладони. – Консьержу платим каждый месяц… И куда смотрел?

– Один мужик себе охрану поставил на машину, – пробормотал младший, будто вспоминая. – При несанкционированном запуске мотора из водительского сиденья выскакивал шип сантиметров десять… Ну и угораздило одного пацана, сломал замок, залез в тачку, заводит мотор…

– А вы поищите чудовище, – резко сказал Аспирин. – Клочья шерсти. Отпечатки лап. Может, соседи видели или консьерж, как оно тут бегало… У меня несчастье, мне взломали квартиру, нагадили… И я еще и виноват?!

– Никто вас не обвиняет, – пробормотал старший опер.

А младший отвел глаза.

* * *

– Я отказываюсь в это верить.

– Почему?

– Потому что если допустить хоть на минутку, что игрушечный медвежонок убивает собаку в подворотне и потом кромсает грабителей… Тогда надо верить во все, что угодно. В ведьм, экстрасенсов, Гарри Поттера, Деда Мороза…

– Никто тебя не заставляет верить в Деда Мороза, – сказала Алена. – Можно… я на кухне съем чего-нибудь? А то я с утра – только две конфеты «Тузик»… Меня дядя Вася угостил.

Аспирин отыскал в морозилке пакет пельменей, поставил на огонь кастрюлю с водой. Уселся за чисто вытертый стол – слишком чисто. Сам он такого блеска никогда не устраивал.

– Можно еще меда? – тихо попросила Алена.

– Для Мишутки? – ухмыльнулся Аспирин. – Чтобы ему сподручнее было людей потрошить?

– Не надо, – Алена отвела глаза. – Если бы они не закрылись в комнате, он бы точно распотрошил. У него инстинкт.

– Странно, что он на ментов не напал, – Аспирин забросил пельмени в кипящую воду. – Он у тебя сотрудникам милиции сопротивление не оказывает?

– Я рядом была, когда они вошли в квартиру, – сказала Алена. – И кричала – Мишутка, не бойся… Я понимаю, тебе

смешно…

– Мне *смешно*?!

– Ты не веришь в обыкновенную вещь. А настоящее чудо, которое случилось на твоих глазах… не заметил. И не удивился. А… *он* не увел меня за собой. Он меня отпустил. Позволил остаться здесь. И он дал мне струны! Это чудо. Еще и потому чудо, что доброе.

На кухне сделалось тихо.

Был поздний вечер. Час назад закрылась дверь за ментами, проводившими следственные действия долго и дотошно. В конце концов Аспирин подписал протокол и получил разрешение затереть наконец кровь на полу собственной квартиры. Убирать вызвалась Алена; она работала тряпкой молча и умело. Прихожая и гостиная понемногу теряли сходство с мясницкой. Ковер Аспирин скатал и вынес в коридор. Не знал, что делать с диваном, но Алена ухитрилась снять чехлы с диванных подушек и затолкать их в стиральную машину. Машина, получив задание на долгую стирку, катала и пережевывала красные тряпки, выполаскивала и снова принималась жевать. Все равно придется выбросить, думал Аспирин, слушая приглушенное хлюпанье пены.

– А я так устала, что даже радоваться как следует не могу, – пробормотала Алена.

Аспирин выудил пельмени из кипящего бульона. Нашел в холодильнике масло, уронил желтый ломтик поверх исходящих паром пельменных тушек:

– Ешь.

– Спасибо, – у нее дрожали ноздри, она в самом деле была очень голодна. – А ты?

– А меня тошнит, – сообщил он.

Алена не стала задавать вопросов. Склонилась над тарелкой, принялась сперва дуть изо всех сил, а потом есть. Полтора десятка пельменей исчезли, не успев как следует остынуть.

– Ты крови совсем не боишься? – вполголоса спросил Аспирин.

Девчонка помотала головой.

– Почему? – Аспирин уперся в стол локтями.

– Потому что я совсем не боюсь смерти, – спокойно отозвалась Алена. – А ты что подумал?

Аспирин молчал минуты три. Алена успела отрезать себе ломоть хлеба и начисто вылизать тарелку.

– А я что, боюсь? – спросил он наконец совсем тихо.

– Конечно, – Алена откинулась на спинку стула, блаженно перевела дыхание. – Ты боишься. Здесь все боятся. Почти все. Все знают, что умрут.

– А ты?

– А я не умру, – Алена улыбнулась. – Я знаю, что все живые. Все живое. И смерти нет. Нигде.

– Кто тебе такое сказал? Расскажи мне подробнее… Почему ты говоришь – «здесь»? Может, вы… там, со своими… товарищами… ждете конца света? И перехода в иной мир?

Алена больше не улыбалась. Взяла тарелку, отнесла к раковине, потом вернулась и смахнула со стола крошки.

– Там у тебя диски, – сказала, откручивая горячий кран. – Я, когда убирала, видела… Ты много слушаешь музыку?

– На вопросы старших надо отвечать, – сообщил Аспирин. – Не увиливай. Кто этот твой… «не человек»? Сэнсей? Учитель? Наставник? И что у него за право – отпускать тебя или не отпускать? И на каком, черт возьми, языке вы говорили?

Алена вымыла тарелку. Сняла с полки баночку меда, поставила на стол:

– Я сейчас Мишутку принесу…

– Не смей! – рявкнул Аспирин.

Алена остановилась в дверях:

– Что?

– Он весь в кровище, – тоном ниже сказал Аспирин.

– Он чистый. На нем ни пятнышка. Ты же видел.

– Я не хочу его больше видеть, – сказал Аспирин. – Сделай так, чтобы он не попадался мне на глаза. Иначе я его выкину в мусоропровод.

Алена помолчала. Ни слова ни говоря, взяла мед со стола, ложку из посудного ящика, бросила укоризненный взгляд на Аспирина и удалилась из кухни.

Аспирин включил телевизор. Ведущий программы новостей молол какую-то чушь; Аспирин переключился на музыкальный канал, сделал звук погромче и почти сразу ощутил

облегчение.

Он хорошо знал этих ребят. Команда была настолько непопсовая, что никак не могла нормально раскрутиться. Лидер их, Костя, брал вдохновение всюду, где плохо лежало: этнические напевы, сыгранные на глиняной свистульке в сопровождении жесткого металлического бэк-граунда, обретали в Костином исполнении почти симфоническую глубину. Энергия, изливавшаяся со сцены в зал, топила публику в волнах экстаза. В «Куклабаке» команду приняли хорошо, но только один раз. Говорят, хозяин, сам поколбасившись от души, наутро обронил что-то вроде: «Это для маргиналов»…

Вот и прайм-тайма им не видать. Первый час ночи: маргиналы бодрствуют…

Соседи стукнули в батарею. Аспирин сосчитал до десяти и убрал звук. Опустил голову на ладони, почти физически ощущая, как проблемы всей тяжестью наваливаются на основание черепа.

Прошло всего двое суток с тех пор, как он подобрал в подворотне Алену Алексеевну. Новоявленную Алену Алексеевну, как выразился потом ее босоногий наставник.

(Один из ментов спросил между прочим, где комната ребенка. Аспирин объяснил, что девочка приехала от матери всего на несколько дней, и мент тогда сознался: его удивило, что в доме нет ни детских книг, ни вещей, ни игрушек – ничего…)

Надо признать: Аспирин сам себе навредил. Первый раз

– когда не оставил девочку стоять, где стояла. Второй раз – когда отказался сразу же, безо всяких объяснений, выдать ее гостю в камуфляжных штанах…

Гостю, под чьим взглядом зеркала берутся инеем.

В гостиной вдруг грянул музыкальный центр. «Кармина Бурана»; соседи, озверев, затарабанили по батарее чем-то тяжелым.

– Выключи! – крикнул Аспирин. Ответа не последовало; кряхтя, он встал, вошел в гостиную (аудиосистема была его гордостью, даже на такой бешеной громкости почти не ощущалось искажения звука) и нажал на «Стоп».

Алена преспокойно сидела в кресле и «кормила» своего медведя медом из баночки.

Соседи продолжали тарабанить. Не исключено, что сейчас и в дверь позвонят.

А, вот оно. Телефон.

– Возьми трубку, – сказал Аспирин Алене.

Та как ни в чем ни бывало потянулась за трубкой:

– Алло? Нет, вы туда попали… Я его дочь. Что? Да, это я включила музыку. Нет, он дома. Нет, не спит. Ну ладно. Я скажу… Спокойной ночи.

И нажала «отбой».

– Ругаются, – пробормотала будто сама себе.

– Ты знаешь, который час?

– Но ты же телевизор включал?

Медвежонок лежал на ее коленях – маленький, пушистый,

мягкий и трогательный.

Среда

Аспирина разбудила мусорная машина. Ревела, рычала, опрокидывая баки и как всегда промахиваясь. Скрежет металла и вой мотора стояли такие, будто во дворе шло танковое сражение. Аспирин посмотрел на часы – без четверти шесть.

Прошлое утро подарило ему счастливых десять секунд, когда он верил спросонья, что девочка ему приснилась. Сегодня наркоза не получилось – открывая глаза, он все помнил и все понимал.

Мусорная машина убралась, но из приоткрытой форточки еще долго тянуло вонючим выхлопом. Аспирин лежал, слушая шум ветра во дворе, отдаленный собачий лай, звуки просыпающегося дома; в соседней комнате тоже не спали. Он мог различить движение, дыхание, мягкие шаги по ламинату…

Он встал, стараясь не шуметь. Дверь в гостиную была прикрыта, но не закрыта полностью (менты вчера выломали защелку). Аспирин заглянул в щель между дверью и косяком.

Алена – в трусах и футболке, с радионаушниками на голове – расхаживала по комнате, двигаясь в неслышном Аспирину ритме. То опускалась на пол, то тянулась к потолку, то начинала плясать – бесшумно; ее ноги взлетали выше голо-

вы, Аспирин подумал, что она, наверное, занималась гимнастикой. А потом Алена вдруг села на пятки, уткнулась лбом в пол и так замерла.

Аспирин подождал минуту, другую. Вошел в комнату. Покосился на медвежонка, сидящего в кресле среди разбросанных дисков. Выключил аудиосистему.

Алена не пошевелилась.

Диски валялись вперемешку – Григ и Вагнер, Прокофьев и Моцарт. То, что слушала Алена, оказалось шестой симфонией Чайковского.

– Эй, – сказал Аспирин.

Девчонка выпрямилась и стянула наушники.

– С добрым утречком, – сказал Аспирин.

– Ты рано встал, – сказала Алена.

Она выглядела плохо – бледная, осунувшаяся, исхудавшая. Когда Аспирин впервые увидел ее в подворотне, девочка казалась ухоженнее и здоровее.

– А ты снова жрать, наверное, хочешь?

Она мигнула, и он вдруг понял, что она сейчас заревет.

– Эй, – пробормотал он, жалея, что позвал ее и что вообще вылез из кровати. – Ты чего?

Несколько секунд она сдерживалась, а потом прижала руки к лицу, и пальцы сразу сделались мокрыми.

– Эй, эй, – он подошел, хотел похлопать ее по спине, но передумал. Отправился на кухню, сварил себе кофе. Из гостиной не доносилось ни звука.

Он выпил кофе, сосчитал до ста, потом еще раз сосчитал. Вымыл чашку. Вернулся в гостиную и застал девчонку все там же, в той же позе, неслышно и горько рыдающую.

Он сел рядом на пол.

– Чего ты ревешь? Тебе плохо? Мне тоже. Мне очень плохо – из-за тебя. Но я ведь не реву.

– Я х-хочу обратно, – прошептала девчонка, давясь слезами.

– Давай, – обрадовался Аспирин. – Я тебя отвезу. Куда?

Она завыла еще горче.

– Очень хорошо, что ты взялась за ум, – Аспирин решился наконец погладить ее по спине. – Ты боишься? Не бойся. Есть люди, которые по долгу службы выручают маленьких девочек из неприятностей. Понимаешь? Им платят деньги за то, чтобы они тебе помогали. Твоего сэнсея посадят в тюрьму, а ты спокойно пойдешь к родителям… или к бабушке… ну кто-то ведь у тебя есть?

– Ты похож на шарманку, – сказала девочка, размазывая влагу по щекам. – Опять одно и то же… Ты видел *его*… Ты слышал, что он сказал… И опять говоришь то же самое… А тут везде смерть, желтые листья падают… мертвые… И мертвые люди. И ты говоришь, как мертвый.

Аспирин поднялся и пошел на кухню. Подумать только, отстраненно сказал он сам себе. Еще позавчера я боялся скандала, который эта мерзавка может устроить. А два дня назад я, кажется, даже хотел хорошо выглядеть в глазах дяди

Васи…

Сегодня у него был эфир с двенадцати до шести. А вечером – тусовка в «Зеленой фее». И ведь люди вокруг живут по-прежнему, работают, гуляют, спят с женщинами…

Он чуть не сжег электрочайник, включив его без воды. Чертыхнулся. Выключил. Полез зачем-то на полку, рассыпал молотый кофе. Вытащил пару яиц из холодильника, одно уронил. Решил, что пора взять себя в руки.

– Алена! – позвал будничным голосом, будто ничего не произошло. – Иди завтракать!

Он не ждал, что она откликнется, и удивился, когда она остановилась на пороге кухни: лицо – красное и мокрое. Медвежонок мертвой хваткой прижат к груди. Глаза – отрешенные.

– Штаны надень, – строго сказал Аспирин. – Ты хоть понимаешь, что так выходить к завтраку – неприлично? И еще умойся и причешись!

Он спокойно, по-хозяйски поджарил две порции глазуньи, разрезал два помидора и луковицу, накрыл на стол. Алена вернулась – уже не такая красная, умытая, с медвежонком под мышкой.

– Итак, – сказал Аспирин, когда завтрак перешел в чаепитие, – я буду слушать, а ты расскажи мне все. Откуда ты пришла? Зачем? Почему тебе здесь, у нас, не нравится? Чем я могу тебе помочь? Ты все расскажешь, потому что я должен наконец тебя понять. Да?

Аспирин улыбнулся и включил диктофон, лежащий у него на коленях.

Девочка молчала.

– Ты говорила, у вас там нет смерти, – мягко поторопил ее Аспирин. – Правда?

– Там все другое, – сказала девочка, медленно помешивая свой чай. – Там никто не боится. Твоя музыка… она тебе нравится потому, что в ней есть отблеск… отражение… того мира, откуда я пришла. Вы все чувствуете его – хотя и не понимаете. Поэтому вам нравится музыка, где есть вот этот… блик, отблеск.

– Такая музыка не всем нравится, – сказал удивленный Аспирин. – И… ты сказала, что откуда-то пришла. Откуда?

За окном угрожающе взвыл кот, столкнувшийся в палисаднике с конкурентом.

– Я не могу туда вернуться, – пробормотала девочка.

– Почему?

– Я сбежала.

– А *почему* ты сбежала, если там так хорошо, а здесь так плохо?

– Потому что мне надо найти одного человека, – Алена смотрела сквозь Аспирина, будто высчитывала даты по календарю у него за спиной. – Моего брата. Он упал.

– Откуда?

– Ты не поймешь, – сказала она с неожиданным раздражением. – Мой брат… потерялся. Его можно вывести. Мне

дали струны, чтобы я его вывела. Теперь надо научиться играть. На скрипке. Тогда я смогу найти брата. И смогу его вывести.

– То место, откуда ты пришла, – сказал Аспирин, внезапно озаренный, – это, случайно, не Рай?

Девочка странно на него взглянула:

– Я этого не говорила.

– Но имела в виду? А твой брат – может, он падший ангел?

Алена смотрела в свою чашку.

– Очень хорошо, – сказал Аспирин, и в самом деле весьма довольный. – Расскажи про своего Мишутку. Что случилось, когда пришли те нехорошие люди? Грабители, я имею в виду?

Ему показалось, что Алена смотрит с укоризной.

– Мишутка на них напал… И они тебя не ограбили. А ты хоть бы спасибо сказал.

– Спасибо, Мишутка! – настроение у Аспирина улучшалось с каждой минутой. – А кто у тебя в Первомайске? Ты там когда-нибудь бывала?

Алена не поднимала глаз.

– Скажи, – подначивал Аспирин.

Алена молчала.

– Хорошо, последний вопрос… Тот человек, который к нам приходил босиком… Ты его знаешь?

– Он не человек.

– А кто?

– Он… ты не поймешь.

– Ты его боишься?

– Здесь – да. А там… я ничего не боюсь. Там вообще нет страха. И голода нет, – добавила она тихо и потерла живот. – Знаешь, я вчера так хотела есть…

Аспирин поспешно выключил диктофон. На часах было пять минут девятого, до работы еще несколько часов, надо поскорее узнать, есть ли в психиатрических больницах детские отделения. По идее, должны быть.

– Замечательно, – он бодро поднялся из-за стола. – Помой пока посуду, мне надо кое-кому позвонить.

Он плотно закрыл дверь спальни, служившей также и кабинетом, и включил диктофон. Эта замечательная штучка размером с губную помаду никогда его не подводила – обширная электронная память, отличное качество записи, даже самый тихий шепот и бормотание удается потом расшифровать.

– Ты говорила, у вас там нет смерти, – сказал диктофон голосом Аспирина. – Правда?

Молчание. Аспирин, как ни вслушивался, не мог разобрать ни звука.

– Такая музыка не всем нравится, – послышался голос опять-таки Аспирина. – И… ты сказала, что откуда-то пришла. Откуда?

Он поднес диктофон к глазам. Остановил воспроизведение. Включил заново.

– Ты говорила, у вас там нет смерти. Правда?

Пауза. Тишина. Шум ветра за окном.

– Такая музыка не всем нравится. И… ты сказала, что откуда-то пришла. Откуда?

Пауза. Тишина. Кошачье мяуканье.

– Почему?

Пауза.

– А почему ты сбежала, если там так хорошо, а здесь так плохо?

Аспирин остановил воспроизведение. Еще оставалась, как спасательный круг, версия узконаправленной записи (такая функция у диктофона была, и Аспирин мог включить ее по ошибке). Но как тогда быть с шумами? С этим орущим котом?

Алена вытирала стол. Вернее, просто терла тряпкой – стол давно был чистый.

– Скажи, пожалуйста, – Аспирин вытянул руку с диктофоном, – раз, два, три…

– Раз, два, три, – послушно повторила девочка. Аспирин включил воспроизведение – и услышал сначала свой голос, потом голос Алены: «Раз, два, три»…

– Спасибо, – сказал он и ушел в спальню.

* * *

Вечером в «Зеленой фее» к нему подкатился редактор

журнала «Мачо».

– Слушай, хорошо пошла твоя статейка… Нет, не про женский оргазм, не льсти себе. Про функции.

– А-а, – сказал Аспирин. Месяц назад он под влиянием чистого вдохновения написал для «Мачо» статью, называвшуюся просто и безыскусно: «Женщина: основные и сопутствующие функции».

– Теперь надо письма читателей, – сказал редактор. – Причем баб. Одно письмо чтобы с философией, чтобы там были Бодлер и Ницше, и чтобы баба была синий чулок и звала автора жопой с ушами. Другое от блондинки, чтобы она по ходу дела нахваливала свои основные функции. А третье от домохозяйки, из тех, что ты обозвал «пылесосиками», и чтобы она предлагала тебе сделать минет…

– Ты сам так все хорошо понимаешь, – сказал Аспирин. – Ну и написал бы сам.

Редактор глянул на него в немом изумлении.

– Тебе баблос, что ли, не нужен? – спросил он наконец.

Аспирин смотрел на него сквозь завесу густого, стекольчатого, безнадежного опьянения. Он пил водку третий час подряд, но забытья не было – только тяжесть и муть, как в плохом сне.

– Я думал, вообще-то, что ты напишешь, – сказал редактор. – По пять тысяч знаков каждое письмо, ну, от блондинки можно восемь…

– Напишу, – сказал Аспирин. – Уговорил.

Редактор отошел, все еще поглядывая на Аспирина вопросительно. Это был не первый за сегодня вопросительный взгляд; Аспирин явно выбивался из колеи, не выходил на танцпол, не развлекал девочек, не тусовался – сидел в углу и хлестал водку, уж лучше вообще было не приходить…

Он встал, собираясь уйти, когда в полутемный, увитый лианами зал вошла Дашка, его актуальная подруга, на двадцатисантиметровых острых каблуках.

Она пришла с другой тусовки и была уже очень веселая. От нее пахло сладким и запретным. Утащив Аспирина в курилку, она повисла у него на шее и без предисловий цапнула в губы. Минут десять они мусолили друг друга, все больше и больше заводясь и распаляясь, потом Дашка пробормотала, не переставая целоваться:

– Все козлы. Поехали к тебе.

Они вышли из клуба и поймали такси. Аспирину полегчало: впервые за долгие часы он знал, чего хочет. На заднем сиденье машины было мягко, но тесно, золотой и острый Дашкин каблук поцарапал ухо водителю, тот обиделся, но Аспирин пообещал доплатить «за вредность».

Уже поднимаясь к лифту, он вдруг застыл с открытым ртом.

– Добрый вечер, Алешенька, – сказала консьержка тетя Света.

Аспирин дернул кадыком.

– Ты чего? – спросила Дашка.

Он втащил ее в лифт.

– У меня там дочка, – сказал, задыхаясь от нервного смеха.

– Чего?!

– У меня в хате дочка сидит, Алена из Первомайска… Ой, не могу…

– Обкурился? – предположила Дашка.

– Да нет, натуральная дочка… То есть, конечно, я ее в первый раз вижу…

– Не придуривайся, – Дашка нахмурилась. – А чего это у тебя ковер в коридоре?

Ковер так и стоял, свернутый в рулон, у двери, как в почетном карауле.

– Его кровищей вчера замарали, – Аспирин продолжал хохотать. – Тут такое было… Весь ковер в крови…

Дашка выпустила его руку. Заглянула в лицо:

– Аспирин… Крыша поехала?

Аспирин нажал на кнопку звонка – впервые, наверное, за все десять лет, что квартира принадлежала ему. Спустя минуту непрерывного трезвона изнутри послышался испуганный детский голос:

– Кто там?

– Открывай, дочура, папа пришел, маму привел, – Аспирин смеялся с повизгиваньем. – Давай, открывай…

Повернулся ключ в двери. Алена отступила вглубь прихожей – она была с ног до головы завернута в одеяло.

– А я думала, ты го-онишь, – протянула Дашка. Уголки ее губ опустились, она разглядывала Алену с любопытством и брезгливостью, как паука-птицееда. – Знаешь, Аспирин… Схожу-ка я в сортир для разнообразия.

И она прошествовала по коридору в туалет.

– Кто это? – тихо спросила Алена.

– Не твое дело, – сказал Аспирин. Смеяться он перестал, но горло саднило до сих пор. – Вот что, красавица… Бери одеяло, подушку, табуретку… бери и выметывайся в коридор.

– Куда?

– Пересидишь полчаса, ничего с тобой не случится, – Аспирин подхватил одной рукой табуретку, другой девочку, поволок то и другое за дверь. – Вот тут сядь и сиди, я тебя потом заберу. К звонку не прикасайся – убью. Ясно?

Алена сжала губы. Молча кивнула.

– Вот и хорошо, – Аспирин снова хохотнул. – Куплю тебе мороженое.

И он закрыл дверь, щелкнув сначала верхним замком, а потом нижним.

Из ванной выглянула Дашка:

– Проблема решена?

– Какая проблема, – пробормотал Аспирин, выбираясь из штанов, – какая, к чертям, проблема…

Подхватил влажную податливую женщину и потащил в спальню, в ворох не убранных с утра простыней.

Четверг

Он проснулся как от пощечины.

На часах было семь. Дашка сопела, полуоткрыв рот.

Аспирин встал. Обошел квартиру. Закусив губу, посмотрел в дверной глазок…

Отпер входную дверь.

Алена спала на полу, свернувшись клубком в одеяле. Ее лицо было покрыто бороздками высохших слез.

* * *

– Может, примерим еще вот это платье? – голос Аспирина дрогнул от щедрости.

– Нет, спасибо. Мне не нужно.

Продавщицы, курсирующие вдоль стоек с детской одеждой, поглядывали на них с любопытством. Темноволосая дама лет сорока желала видеть мелодраму – рождение новой Золушки. Из провинциальной бедности в столичную роскошь, из безотцовщины в объятия папаши, и все ей будет по заслугам – квартира, жених и юридическое образование. Молодая крашеная блондинка предпочитала криминальные сюжеты: Аспирин в ее глазах был демоном-соблазнителем, покупающим душу ребенка за недорогие шмотки. К счастью,

блондинку почти сразу вызвали к кассе, и покупатели избавились от ее назойливого внимания.

Пока Алена покупала колготки, носки, белье, Аспирин маялся неловкостью. Потом дело дошло до крупных покупок; у входа в отдел стояла кукла-манекен в бальном платье с корсетом и кринолином. Аспирин посмотрел на цену и решил, что эта пробка для дырявой совести – как раз подходящего диаметра.

– Зачем мне? – удивилась Алена. – Куда я в нем?

– Увезешь в Первомайск, – сказал Аспирин, все естественнее входя в роль. – Покажешь маме… В школу, к концу концов, на новогодний бал…

Темноволосая продавщица слушала и млела. Алена приподняла уголок рта:

– Нет, спасибо. Мне нужнее теплая куртка. Потому что уже почти осень, и в футболке холодно…

Стараясь не смотреть на продавщицу, Аспирин прошел за девчонкой в глубину душного, пахнущего новой тканью отдела. Они купили Алене осеннюю куртку и спортивный костюм.

– А теперь давай выберем сумку, – сказал Аспирин.

– Зачем?

– Чтобы вещи сложить. Иначе как ты повезешь все это в Первомайск?

Алена ничего не сказала. Аспирин купил школьный ранец с Винни-Пухом и затолкал туда новоприобретенное барах-

лишко. Алена все так же молча надела ранец на спину.

– Кстати, – небрежно заметил Аспирин, когда они проходили мимо канцелярского отдела, – тебе для школы ничего не надо? До сентября осталось пара недель, а там – первый звонок, все такое… Тетрадки? Дневник? Пенал?

– Я не буду ходить в школу, – сказала Алена.

– То есть? – Аспирин изобразил крайнее удивление.

– Я буду ходить в музыкальную, – Алена смотрела мимо него. – Мне надо выучиться играть на скрипке. Больше мне ничего не надо.

– Так дело не пойдет, – сказал Аспирин и с удивлением услышал с своем голосе «отцовские», почти садистские нотки. – Дети должны ходить в школу. Каждый день. На полдевятого утра. Ты в своем Первомайске училась?

Алена молчала. Аспирин заметил, что кассирша канцелярского отдела внимательно прислушивается к разговору. Властным движением взяв Алену за руку, он повел ее к выходу из магазина.

У нее была мягкая безвольная ладошка. Аспирин понял, что впервые держит ее за руку – впервые с того вечера, как привел находку в дом. Трудно поверить, что прошло всего три дня.

– Уж если я тебе отец, – говорил он, протискиваясь сквозь негустую толпу, – то и отвечать за тебя должен. Правильно? Проверять уроки. Ходить на собрания. Наказывать, если что. Таков мой отцовский долг… Так что подумай: может, тебе

лучше вернуться в Первомайск прямо сегодня?

Алена молча забралась на заднее сиденье машины.

– А то ведь на вокзал недолго, – Аспирин завел мотор. – Возьму тебе билет… Дам денег на постель, на ужин… Как?

– Хорошо бы для начала пообедать, – пробормотала Алена.

Аспирин вздохнул, расплатился с парковщиком и вырулил со стоянки.

Пятница

Поздно ночью, когда сессия в «Куклабаке» потеряла накал и сменилась расслабленной тусней, к Аспирину подсел Вискас:

– Леха, ты живой?

Аспирин весь был – кладбище отработанного адреналина. Он исчерпал свой сегодняшний ресурс; разговор с Вискасом пришелся не ко времени. Аспирин открыл рот, чтобы сказать ему об этом, но не успел.

– Что там за маньяк у тебя в квартире? – негромко спросил Вискас. – Как это он двух конкретных мужиков порезал?

«А ты откуда зна…» – хотел спросил Аспирин, но не спросил. У Вискаса была сложная биография: до «Куклабака» он работал вышибалой в крутейшем казино, а перед тем еще где-то, а до этого, говорят, служил в органах, причем где, как и в каком чине, Аспирин не стремился узнать.

– Я был в эфире, – сказал он сонным скучным голосом. – Квартира на замке…

– На охрану не брал, – уточнил Вискас.

– Ну, забыл, – буркнул Аспирин. – У меня тут такое… родную маму забудешь…

И он очень конкретно, в мельчайших подробностях поведал Вискасу о том, что случилось во вторник. Приближалось утро, клуб понемногу пустел; Вискас курил, кивал и хмурился.

– Тех двоих в дурку перевели, – сказал после особо длинной затяжки. – Может, они под этим соусом откосят от статьи… Хотя вряд ли. У обоих уже по две ходки есть…

– Чудовище, – Аспирин ухмыльнулся. – С лапами и когтями. В шерсти. Конечно, по тем двоим дурка плачет…

– Плохо это, Лешка, – озабоченно сказал Вискас. – И ведь не понятно, зараза, откуда ветер дует… Сколько твоя хата стоит на сегодня, ты узнавал?

– Э-э, – Аспирин запнулся. – В каком смысле?

– Все равно не сходится, – Вискас раздавил сигарету в пепельнице, фильтр корчился, будто червяк. – Две комнаты, шестьдесят метров, дом хороший, зато район – дрянь… Из-за такой малости серьезные люди даже не почешутся. Нет. Не похоже. Мистика какая-то.

– Мистика, – подтвердил Аспирин. – Витя, слушай. Если ты заберешь от меня эту девку и все, что к ней прилагается…

– Я вас вчера видел, – сказал Вискас, закуривая снова. –

В Мак-Дональдсе.

Аспирин осекся.

– Ты какой-то, – Вискас поводил рукой, разгоняя дым, – то задушить ее хочешь… То нянчишься, в Мак-Дональдс водишь, чаем поишь…

– Так мне ее жалко, – пробормотал Аспирин. – Ясно ведь, что ребенка втравили. Заставили. А она… ничего себе. Развитая. Не по годам развитая, я бы так сказал. И музыку любит.

– Себя пожалей, – жестко сказал Вискас. – Сними копию с ее свидетельства и дай мне. Я по своим каналам попробую… узнать.

Глядя, как Витя Сомов идет через зал – как хозяин по рингу, как хищник по саванне, – Аспирин вдруг вспомнил его слова: «Я на тебя как-нибудь бомбил наведу. В воспитательных целях».

Понедельник

В понедельник с утра позвонила мама. Безо всякой причины. Наверное, и в самом деле существует такой девайс, как «материнское сердце», и он безотказно срабатывает, когда у чада проблемы.

– Все хорошо, – соврал Аспирин, глядя, как Алена в наушниках валяется на обновленном («Химчистка на дому») диване. – А у вас?

Его родители жили в Лондоне уже почти десять лет. Оба работали на Би-Би-Си. Одно время активно пристраивали Аспирина, но тот отказался: у него в ту пору была совершенно чумовая любовница, девица семнадцати лет, с семнадцатью кольцами в разных частях тела. Она питалась яйцами и сырой морковкой, зимой и летом ходила в монашьем платке, спать могла только на голом полу и только головой к востоку, а потому вместо часов носила на запястье маленький компас. Они с Аспирином втюрились друг в друга с первого взгляда и предавались любви как кошки: в парке на скамейке, на пляже в песке, на капоте чужой машины, короче, были счастливы на всю голову, и ни о каком переезде Аспирин не желал и слушать…

– Все хорошо, – повторил Аспирин, стараясь, чтобы голос звучал беспечно. – Ма… Я вот что подумал. Я тут затра… замотался совсем, хорошо бы проветриться… Может, я к вам приеду?

– А что у тебя с визой? – спросила мать после паузы.

Аспирин не помнил, что у него с визой, но у него были хорошие знакомые в посольстве.

– Решим, – сказал он уверенно. – Вы приглашение вышлите на всякий случай, да?

– Так у тебя все нормально? – спросила мать в третий раз.

Алена лежала на спине, зажмурив глаза и покачивая головой вправо-влево. В музыкальном центре вертелся Вагнер: «Лоэнгрин», прелюдия к третьему акту.

Аспирин уселся на подлокотник кресла. Девчонка не открывала глаз и вообще, кажется, не замечала его присутствия. Лицо ее не было расслабленным: Алена проделывала, по-видимому, немалую внутреннюю работу.

Аспирин вспомнил, как она подобрала на пианино мелодию, от которой у него чуть крыша не поехала. И эти струны, которые она не решалась взять, и тогда гость в камуфляжных штанах уронил их на пол…

Уголок пакета со струнами торчал из кармана Алениной спортивной курточки. Аспирин подошел на цыпочках, двумя пальцами взялся за этот уголок…

Алена открыла глаза. Ее рука уже держала Аспирина за запястье: больно и цепко.

– Отпусти, – сказал он резко.

Она выпустила его руку. Накрыла ладонью сторуны, поглубже затолкала в карман. Сняла наушники:

– Зачем ты это делаешь?

– Что?

– Зачем ты полез?

– Хотел проверить, ты совсем отрубилась или еще что-то воспринимаешь, – Аспирин усмехнулся. – Валяешься, как зомби в нирване… Может, тебе Катю Лель поставить?

– Не надо мне Катю Лель, – Алена снова нахлобучила на голову наушники. – Будь добр, не мешай мне.

– Да?!

Аспирин выключил музыкальный центр. Встал перед ди-

ваном, уперев руки в бока:

– Не мешать, да? Еще чего? Посуда не мыта, в доме жрать нечего, хлеб заплесневел… А ну давай в магазин!

Не говоря ни слова, Алена поднялась и пошла в прихожую. Аспирин тащился следом:

– Три дня подряд задницей диван протираешь, юный Моцарт, блин… Понравилось, да? Удобно у папы на шее?

– Что купить? – бесстрастно поинтересовалась Алена, натягивая кроссовки.

– Ты хозяйка, тебе виднее! Мясо какое-то должно быть в доме, овощи… вот тебе деньги, сдачу принесешь.

Он запер за ней дверь и перевел дыхание. Вот, значит, как. И так можно. Посмотрим…

Он вышел на кухню и сразу же увидел Мишутку, восседающего на стуле. Пластмассовые глаза смотрели поверх Аспириновой головы.

Аспирин выругался. Плюшевый медведь, как и следовало ожидать, остался к ругани равнодушен. Аспирин протянул руку, желая взять игрушку и рассмотреть повнимательнее, но в последний момент засомневался. Он уже готов был смалодушничать, когда зазвонил телефон и избавил его от выбора.

Звонил Вискас, и был он в отличном расположении духа.

– Кальченко Любовь Витальевна в самом деле проживает в городе Первомайске, и она, между прочим, замужем. Так что твоя крошка смылась от отчима, скорее всего, или про-

сто захотела легких каникул… Мой тебе совет: дай ей денег, посади на поезд и – вперед.

– А если она не захочет?

– То есть как не захочет? Ремнем по заднице, и не морочь мне больше голову!

Аспирин вяло поблагодарил Вискаса за помощь. Витя Сомов скорее поверил бы в плюшевого медведя-убийцу, чем в тот простой факт, что Аспирин никогда не спал в Крыму ни с какой Любой… Впрочем, теперь он и сам не был в этом уверен. Больше десяти лет прошло – он тогда был молодой, легкий на подъем, мог смотаться в Крым просто так, на выходные, жить в палатке, питаться рапанами и мидиями, и вокруг ходили табунами веселые девчонки с длинными загорелыми ногами…

Аспирин вздохнул, вдруг ощутив себя стариком. Юность далеко позади; теперь его в палатку калачом не заманишь, подавай номер-люкс со всеми удобствами. Может, и прав Вискас, может, и была Люба… Аспирин когда-то читал в каком-то журнале, что детей, родившихся в результате «курортных романов», в больницах называют «подснежниками» – они появляются на свет ранней весной.

Интересно, когда у Алены день рожденья?

Он полез в ящик стола и вытащил запаянное в ламинат свидетельство. Пятнадцатого марта. Вот оно что.

В квартире потемнело. Там, снаружи, снова шел проливной дождь. Аспирин сидел на диване и улыбался – ну его

все на фиг, хватит ребусов. Пусть будет Люба. Пусть будет Крым. Пусть у него будет внебрачная дочь, ладно, убедили. Этот босоногий – ее отчим-албанец. Почему албанец? А фиг его знает, не наше дело. Диктофон? Сломался или заглючил. Мишутка? Аспирин нервно засмеялся. Мишка очень любит мед, почему – кто поймет… Нет-нет, пусть Вискас будет прав: она его внебрачная дочь, у нее в семье проблемы, ей захотелось легких каникул. Так что же, новоявленный папаша? В «Мак-Дональдс» он ее сводил, завтра сводит еще в зоопарк. Если зайдет речь об алиментах – ничего страшного, он отстегнет ее мамаше – от официальной зарплаты, конечно… Ну, будет присылать подарки на праздники. Когда-нибудь купит путевку в санаторий. Люба замужем, значит, пристроена.

Все еще улыбаясь, он снова направился в кухню – хотелось кофе под сигаретку. Он потянулся к чайнику – и замер.

Мишутки на стуле не было.

Аспирин нагнулся, ожидая – очень надеясь – увидеть медвежонка под стулом на полу. Но и там ничего не было, кроме хлебных крошек.

Блин, сказал сам себе Аспирин. В квартиру никто не входил. Или?..

Он быстро прошелся по комнатам, заглянул в ванную, в туалет, на балкон. Проклиная все на свете, сунулся под кровать, открыл шкаф-купе в прихожей. Нигде не было следов чужого присутствия, но и медведя не было, вот в чем зако-

выка, а ведь Аспирин, сидя в гостиной, никак не мог пропустить возвращения Алены…

У которой, к тому же, нет ключа.

Дождь снаружи все лил и лил. В доме сделалось так темно, что пришлось включить свет.

Я же его видел, в сотый раз говорил себе Аспирин. Я еще хотел его взять… И тут позвонил Вискас…

Он обшарил кухню, заглядывая даже в навесные шкафы. Медвежонка не было. В спальне хлопнула форточка – Аспирин подпрыгнул.

– Кто здесь?

Ему померещились шаги в гостиной. Оказалось, порывом ветра протащило по полу полиэтиленовый пакет.

Он поднялся на цыпочки и сунул руку за пистолетом. И тут же с воплем ее отдернул – пальцы наткнулись на мягкое, ворсистое. Медвежонок лежал на шкафу, плюшевым тельцем перекрывая доступ к пистолету, да как, черт побери, он мог там оказаться?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.